U 301/249

И 249
801-85
142 42-2
НЕ КОПИРОВАТЬ

СВАДЕБНЫЕ ОБЫЧАИ

320
712.

ВЪ ДРЕВНЕЙ РУСИ.

Историко-этнографическій очеркъ.

К. К. Остроумова.

№ 30089.
БИБЛІОТЕКА МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

ТУЛА.
Типографія И. Д. Фортунатова насл:, въ Тулѣ.
1905.

И 301/249
БИБЛИОТЕКА имени В. И. ЛЕНИНА
Р-12842-45
320/712
ПОГАШЕНО
№ 30082.

Свадебные обычаи въ древней Руси.

Историко-этнографическій очеркъ.

Для изученія древне-русской жизни, для изслѣдованія быта нашихъ предковъ, важное значеніе имѣетъ изученіе различнаго рода обычаевъ, которыми такъ богата жизнь древне-русскаго человѣка и въ которыхъ такъ или иначе отразились его образъ жизни и понятія. Среди различныхъ и разнообразныхъ обычаевъ у древне-русскаго человѣка обращаютъ на себя особое вниманіе *свадебные* обычаи. Послѣдніе въ большей или меньшей степени связаны съ бытомъ и былой жизнью русскаго народа; по выраженію Коринѳскаго, „прошлое оставило свой замѣтный слѣдъ въ этихъ (свадебныхъ) обычаяхъ, стразилось въ ихъ сущности, высказалось во внѣшней обстановкѣ“ [1]). Наши выдающіеся историки-этнографы, каковы, напр., Сумцовъ, Терещенко, Сахаровъ, Коринѳскій и др., обращали, при изученіи древняго славяно-русскаго быта, особенное вниманіе на свадебные обычаи. Ив. П. Сахаровъ, по справедливости заслуживающій названія одного изъ отцовъ современной русской этнографіи, въ своемъ капитальномъ трудѣ „Сказанія русскаго народа,“ даетъ весьма интересныя описанія древнихъ свадебныхъ чино-положеній, обычаевъ и обрядовъ. Вниманіе, съ которымъ историки-этнографы относились и относятся къ изученію свадебныхъ обычаевъ древне-русскаго человѣка, объясняется самымъ значеніемъ у послѣдняго свадьбы,—тѣмъ вліяніемъ, какое она оказывала на семейныя и общественныя отношенія его. Нужно замѣтить, что свадьбы вообще являются однимъ изъ главныхъ факторовъ развитія древней общественности и гражданственности. При господствѣ у нашихъ предковъ родового быта, при замкнутости родовъ, бракъ имѣлъ то весьма важное значеніе, что, вводя въ семью новое, чужое лицо, перемѣнялъ отношенія между родами, весьма часто содѣйствуя ихъ сближенію между собою. Въ отдаленную эпоху жизни нашихъ предковъ кровное родство было единственной связью между людьми. Понятно, конечно, что семья, основой которой былъ бракъ, имѣла важное значеніе въ глазахъ древняго славянско-русскаго человѣка, поль-

[1]) *А. Коринѳскій:* „Народная Русь.“ Москва, 1901 г. стр. 440.

зовались большимъ уваженіемъ. Сознаніе важности семьи и семейныхъ интересовъ у двевне-русскаго человѣка нельзя не видѣть въ его разнообразныхъ свадебныхъ обычаяхъ, изъ которыхъ нѣкоторые до сихъ поръ не утратили еще совсѣмъ своей силы въ различныхъ мѣстахъ Россіи, у различныхъ классовъ общества, въ особенности же въ средѣ простого народа. Послѣдній сохраняетъ вообще много разнаго рода обычаевъ, имѣющихъ отношеніе къ глубокой древности, сохраняетъ особенное стремленіе къ обрядности, къ формѣ, въ которыхъ выражаются его мысли, чувства и желанія. За исключеніемъ церковно-христіанскихъ праздниковъ, нашъ народъ особенно отмѣтилъ обрядностію три главныхъ момента въ жизни человѣка: рожденіе, бракъ и смерть. На эти главные моменты народъ всегда обращалъ особенное вниманіе; ихъ старался онъ обставить и множествомъ обычаевъ, какіе въ состояніи была выработать его простая, незатѣйливая жизнь. Понятно, что такое важное событіе въ жизни человѣка, какъ бракъ, не могло составлять исключенія изъ общаго правила. Напротивъ, какъ имѣющій, кромѣ своего духовнаго смысла, большое общественное значеніе, стоящій въ самой тѣсной связи съ жизнью народа, бракъ былъ окруженъ множествомъ обычаевъ. Свадебные обычаи росли, развивались. Такъ, по крайней мѣрѣ, было до XVIII в., когда, съ развитіемъ наукъ и просвѣщенія, съ занесеніемъ западной культуры и цивилизаціи, многіе прежніе обычаи, въ томъ числѣ и *свадебные*, измѣнились, а нѣкоторые и совсѣмъ стали забываться. Многіе обычаи, бывшіе въ прежнее время общими у высшаго, средняго и низшаго круга людей, остались только у двухъ послѣднихъ. Въ древней Руси свадебные обычаи у всѣхъ классовъ общества были въ общемъ сходны между собою. Лица, дѣйствія, самый свадебный процесъ были въ существѣ одними и тѣми же. Единственное различіе свадебъ простонародья отъ свадебъ другихъ классовъ общества—князей, царей и бояръ—заключалось въ меньшемъ богатствѣ и торжественности,—въ меньшемъ количествѣ поѣзжанъ, свадебныхъ чиновъ и угощеній. Одинъ изъ лучшихъ знатоковъ быта нашихъ предковъ, Котошихинъ говоритъ, что въ древней Руси свадебные обычаи дворянъ, бояръ и простыхъ людей были между собою сходны. Что же касается различія свадебъ простонародья отъ свадебъ дворянъ и бояръ, то оно, по его словамъ, заключалось только въ меньшемъ богатствѣ и торжественности: свадебный чинъ простыхъ людей „только въ поступкахъ ихъ и въ платьѣ съ

дворянскимъ чиномъ розпится, сколько кого станетъ“ [2]). Частыя указанія на богатство и торжественность древне-русскихъ княжескихъ и боярскихъ свадебъ находимъ въ нашихъ лѣтописяхъ. Какъ на примѣръ свадьбы, выдающейся изъ ряда свадебъ въ древней Руси по богатству, пышности и торжественности, лѣтописецъ указываетъ на свадьбу Верхуславы, дочери великаго князя Суздальскаго Всеволода III-го, съ Ростиславомъ, сыномъ Рюрика, княжившаго въ Бѣлгородѣ. „На борисовъ день, говоритъ лѣтописецъ, отдалъ великій князь Всеволодъ дочь свою Верхуславу, и далъ за нею безчисленное множество золота и серебра, и сватовъ одарилъ большими дарами, и отпустилъ съ великою честію... Съ своей стороны, князь Рюрикъ сыгралъ сыну Ростиславу свадьбу богатую, какой не бывало на Руси“ [3]).. Въ описаніяхъ лѣтописцемъ древне-русскихъ княжескихъ свадебъ не рѣдко встрѣчаются выраженія: „бракъ великъ“, „вельми сильна свадьба“[4]), указывающія на особенное богатство, торжество и веселіе свадьбы. Само собою, конечно, понятно, что, какъ одно изъ самыхъ важныхъ и торжественныхъ событій въ жизни человѣка, свадьба въ древней Руси обставлялась возможными пышностью и веселіемъ. По веселой обстановкѣ и торжественности, отличавшихъ древне-русскую свадьбу, послѣдняя у лѣтописца называется иногда просто „веселіемъ“ [5]).

Говоря о свадьбахъ и свадебныхъ обычаяхъ въ древней Руси, нельзя не коснуться весьма важнаго вопроса о томъ, какъ относился древне-русскій человѣкъ къ церковному собственно благословенію брака, къ церковному чину вѣнчанія.—Какъ мы увидимъ, послѣдній не могъ скоро привиться въ средѣ простого народа, по принятіи имъ христіанской вѣры. Въ простонародьи вѣнчаніе долгое время замѣнялось языческими дѣйствіями и обрядами, въ родѣ, напр., обхожденія вокругъ озера, дерева и пр. Указаніе на языческую форму вѣнчанія можно видѣть въ пословицѣ, еще до сихъ поръ живущей у русскаго народа: „вѣнчали вокругъ ели, а бѣсы пѣли“. Происхожденіе этой пословицы можно отнести къ первымъ временамъ христіенства на Руси. Этой пословицей, несомнѣнно,

---

[2]) *Котошихинъ:* „О Россіи въ царствованіе Алексія Михайловича“. С.П.Б. 1840 г., стр. 124.

[3]) П. С. Р. Л., т. II-й, стр. 136.

[4]) Тамъ-же, т. II-й стр. 125, 136.

[5]) Тамъ же, т. I, стр. 220; т. II, стр. 198.

отмѣчено древнее бытовое явленіе, входившее въ древне-славянскій свадебный ритуалъ,—обхожденіе вокругъ зеленѣющаго дерева [6]). *Конечно, свадебное торжество не ограничивалось только указаннымъ нами обрядомъ. Различные памятники, какъ увидимъ, начиная съ XI—в., свидѣтельствуютъ о слабомъ усвоеніи народомъ церковнаго вѣнчанія, о стремленіи его избѣгнуть этого послѣдняго.* Остатокъ языческихъ обычаевъ жилъ долгое время послѣ принятія христіанства, продолжаетъ жить и до сихъ поръ. Уже приведенная пословица, относящаяся, какъ мы сказали, къ первымъ временамъ у насъ христіанства, достаточно свидѣтельствуетъ о смѣси воззрѣній христіанскихъ, чисто церковныхъ и языческихъ. Съ одной стороны, мы видимъ церковное, относящееся къ христіанскому таинству брака, выраженіе—„вѣнчали“, съ другой,—„бѣсы“, „ели“, выраженія, свидѣтельствующія о древне-миѳическихъ вѣрованіяхъ въ лѣсныя божества, лѣшихъ или лѣсовиковъ.

Двоевѣріе въ жизни древне-русскаго человѣка обусловливалось въ значительной степени быстрымъ введеніемъ христіанства и недостаточной подготовкой къ его принятію со стороны народа. Привыкшій повиноваться власти старшаго, который имѣлъ неограниченную власть, при господствѣ у древнихъ славянъ такъ называемаго *родового* начала, древне-русскій человѣкъ безотчетно вѣрилъ и слѣдовалъ тому, что дѣлалось высшею властью: онъ принималъ христіанство, по большей части, потому, что его принимали князья и другія лица. Христіанство, какъ новая религія, не мирившаяся съ языческими понятіями и правилами жизни славянина, естественно, ему казалось чуждымъ, непривычнымъ. Въ виду неподготовленности къ принятію христіанства древне-русскаго общества въ послѣднемъ не могло идти быстро усвоеніе и распространеніе христіанскихъ понятій и правилъ жизни. Сознаніе этого жило въ тогдашнемъ княжескомъ обществѣ. Въ данномъ случаѣ достаточно привести себѣ на память слѣдующій фактъ. Великая княгиня Ольга, принявши христіанство, пожелала, что-бы ея примѣру послѣдовалъ и ея сынъ Святославъ, но послѣдній, не смотря на всѣ старанія и уговоры матери, не желалъ этого сдѣлать, говоря: „какъ это я приму новую вѣру одинъ, а дружина вѣдь этому смѣяться будетъ“ [7]). Сказаннымъ объясняется,

---

[6]) *Н. Ѳ. Сумцовъ:* „Религіозно-миѳическое значеніе малорусской свадьбы“. Кіевъ. 1885 г., стр. 14.

[7]) *И. Забѣлинъ:* „Исторія русской жизни съ древнѣйшихъ временъ“. Москва. 1879 г., ч. 2-я, стр. 202.

почему долгое время было у нашего народа языческое пониманіе брака. Это пониманіе не могло скоро искорениться, потому что оно имѣло за собою вѣковую древность исторіи: языческія понятія о бракѣ вошли въ плоть и кровь древне-русскаго человѣка.

Насколько, дѣйствительно, сильно и продолжительно было вліяніе въ древней Руси языческихъ понятій и обычаевъ, видно изъ того, что въ народѣ долгое время, послѣ принятія христіанства, до XVI в. и дальше, имѣло мѣсто сожительство безъ церковнаго благословенія и вѣчанія. Какъ увидимъ ниже, на этотъ фактъ весьма часто указывали многіе древне-русскіе пастыри и іерархи.

Вліяніе на бракъ простолюдина христіанства, принесеннаго изъ Византіи, свадебныхъ обычаевъ и узаконеній византійскихъ долгое время было весьма слабымъ. Большее вліяніе можно видѣть на бракахъ высшей среды — князей, которые по самому положенію своему стояли гораздо ближе къ дѣйствію христіанства и принесенныхъ съ нимъ изъ Византіи обычаевъ и уставовъ. Мы увидимъ, что нѣкоторые свадебные обычаи, издавна существовавшіе въ средѣ древне-русскаго человѣка, съ дѣйствіемъ византійскихъ узаконеній и обычаевъ должны были еще болѣе укрѣпиться, получить отъ нихъ свою санкцію. Увидимъ, что нѣкоторые обычаи прямо заимствованы были изъ Греціи. Свадебные обычаи, имѣвшіе мѣсто дома, при житейской, чисто домашней обстановкѣ, входили, какъ увидимъ, и въ самое чинопослѣдованіе церковнаго вѣнчанія, употреблялись при немъ, какъ необходимая принадлежность. Различнаго рода народныя повѣрія, относящіяся къ брачной жизни, прилагались къ различнымъ дѣйствіямъ и моментамъ церковнаго вѣчанія.

Среди множества существовавшихъ въ древней Руси свадебныхъ обычаевъ, нѣкоторые, на первый взглядъ, пожалуй, покажутся странными, мелочными и неимѣющими серьезнаго значенія для историка. Многія черты древне-русской свадьбы являются, повидимому, смѣшными, возбуждающими одно лишь любопытство. Но это только *повидимому*. „Каждая черта временъ былыхъ, говоритъ Бѣлинскій, драгоцѣнна. Тутъ не можетъ быть ничего неважнаго, лишняго, безполезнаго. Если мы съ благоговѣніемъ смотримъ на мѣдную монету временъ царей и хранимъ ее, какъ святыню, то что же должно сказать о всякой строкѣ, которая или обогощаетъ важнымъ историческимъ фактомъ, освящая темную сторону какого-нибудь

событія, или свидѣтельствуетъ намъ объ образѣ жизни, о понятіяхъ, объ обычаяхъ нашихъ предковъ?“[8]).

Чтобы составить ясное понятіе о свадебныхъ обычаяхъ предковъ, объяснить существованіе и развитіе обычаевъ въ позднѣйшее время, обратимся къ самому отдаленному времени жизни славянскаго народа, къ его, такъ оказать, юности. Цѣль нашего настоящаго очерка состоитъ именно въ томъ, чтобы разсмотрѣть, по возможности, всѣ, болѣе или менѣе важные, обычаи, существовавшіе въ свадебномъ обиходѣ въ древней Руси, указать ихъ происхожденіе, смыслъ и значеніе, указать также, какіе изъ свадебныхъ обычаевъ, издавна существовавшихъ у нашихъ предковъ, не потеряли еще до настоящаго времени силы и значенія въ быту народа.

I.

Свѣдѣнія о нравахъ и обычаяхъ славянскихъ племенъ, существовавшихъ еще во времена языческія, можно находить въ начальной лѣтописи имени Нестора Здѣсь же можно находить и повѣствованія о бракахъ русскихъ князей. Руссы, безъ сомнѣнія, имѣли свои обычаи, которые, однако, не оказали вліянія на обычаи славянъ. Вліяніе руссовъ не замѣтно ни въ религіи, ни въ обычаяхъ. Руссы не имѣли вліянія на славянскій бытъ, они сами „ославянились“ [9]). При описаніи древнихъ свадебныхъ обычаевъ славянскаго народа, нужно не забывать его родового быта, при господствѣ котораго, какъ нами уже было указано, бракъ имѣлъ весьма важное значеніе.

Древняя свадьба и свадебные обычаи, мы видѣли, обращаютъ на себя особенное вниманіе историковъ древняго славяно-русскаго быта. Это и понятно. Свадьба, вѣдь, со всѣми своими чертами служитъ довольно яркимъ обнаруженіемъ личности народа, его нравственной, матеріальной и соціальной развитости. Лѣтописецъ именно въ брачныхъ обычаяхъ полагаетъ самое рѣзкое выраженіе нравственныхъ понятій народа. Различіе въ брачныхъ обычаяхъ онъ считаетъ за основное нравственное различіе между славянскими племенами. Такъ, описывая нравы и обычаи полянъ, лѣтописецъ замѣчаетъ, что они имѣли обычай своихъ отцовъ кроткій и тихій, имѣли стыдъ къ снохамъ своимъ, сестрамъ и родителямъ; имѣли свой *брачный* обычай: зять не ходилъ за невѣстой, но ее приводили ве-

---

[9]) „Научное Обозрѣніе“. 1900 г., Октябрь, стр. 1713.

черомъ, а на другое утро приносили по ней то, что дадутъ [10]). Нравы и обычаи другихъ славянскихъ племенъ описываются лѣтописцемъ иначе, совершенно другими красками. „Древляне, напр., по описанію его, жили по скотски, убивали другъ друга, ѣли все нечистое, и брака у нихъ не было, но существовала умычка дѣвицъ у воды. Радимичи, Вятичи, Сѣверяне имѣли одинаковый обычай: они жили въ лѣсу подобно звѣрямъ, ѣли все нечистое, срамословили передъ отцами и снохами, браковъ у нихъ не было, но только—игрища между селами, гдѣ каждый похищалъ себѣ жену, съ какою кто сговорился; имѣли они по двѣ и по три жены. Тѣ же обычаи имѣли и Кривичи и прочіе поганые (т. е., язычники) [11]). Такъ и при насъ теперь,—прибавляетъ лѣтописецъ, Половцы держатъ законъ своихъ отцовъ, ѣдятъ нечистое, поимаютъ мачехъ своихъ и ятровей и иные подобные обычаи творятъ“ [12]).

Видно, что у различныхъ племенъ, въ одно и то же время, существовали различные брачные обычаи, различные способы заключенія брачныхъ союзовъ. Въ описаніи лѣтописцемъ свадебныхъ обычаевъ нельзя не видѣть указанія на два образа заключенія браковъ у нашихъ предковъ славянъ: на образъ „веденія“ женъ или привода невѣсты къ жениху, и на „умычку“ женъ во время „бѣсовскихъ игрищъ“, или похищеніе дѣвушекъ во время языческихъ празднествъ. Первый образъ заключенія браковъ былъ у полянъ, второй—у прочихъ славянскихъ племенъ, вошедшихъ въ составъ Русскаго Государства. Съ точки зрѣнія лѣтописца и съ современной точки зрѣнія, бракъ у полянъ, состоявшій въ „веденіи“ къ жениху невѣсты и въ принесеніи за ней *приданаго* [13]), былъ ближе къ христіанской, византійской формѣ брака. Это, конечно, обусловливалось вліяніемъ христіанства, христіанскихъ понятій и византійскихъ законовъ, еще ранѣе введенія христіанства при св. князѣ Владимірѣ извѣстныхъ полянамъ, благодаря частымъ сношеніямъ съ Греками и съ другими наро-

---

[10]) П. С. Р. Л., т. I стр. 6: „Нехожаше зять по невѣсту, но приводяху вечеръ, а завътра приношаху по ней, что вдадучи“. Вмѣсто „зять“ въ Ипатьев., Радз. спискахъ читается „женихъ“; вмѣсто „по ней что“ въ Ипатьев. „что по ней“.....

[11]) Тамъ же, стр. 6.

[12]) Тамъ же, стр. 7.

[13]) Если принять чтеніе Лаврентьевскаго списка лѣтописи: „а завътра приношаху по ней, что вдадуче“.

дами, уже жившими гражданской жизнью [14]). Бракъ, совершавшійся въ формѣ такъ называемаго „веденія“ женъ, перейдя, благодаря счастливымъ обстоятельствамъ, къ полянамъ раньше, чѣмъ къ другимъ славянскимъ племенамъ, примѣнялся первоначально у людей высшаго и знатнаго класса — князей, бояръ и дружинниковъ, впослѣдствіи же пріобрѣлъ господство вездѣ, отстранивъ бракъ посредствомъ похищенія или умычки. Послѣдній способъ заключенія брака, менѣе совершенный сравнительно съ указаннымъ „веденіемъ“ женъ, является древнѣйшимъ общеславянскимъ обычаемъ, долго хранившимся въ быту древне-русскаго человѣка. Бракъ посредствомъ похищенія или умычки самъ по себѣ является въ высшей степени грубымъ: „онъ, быть можетъ, былъ, говоритъ В. Шульгинъ, естественнымъ переходнымъ шагомъ отъ общенія женъ (connubia communia), совершавшагося въ видѣ вакханалій на религіозныхъ языческихъ праздествахъ, къ нѣсколько опредѣленному браку“ [15]). Похищеніе, свидѣтельствующее само по себѣ о крайней грубости и нравственной неразвитости народа, по указанію лѣтописца, не всегда, однако, имѣло характеръ насилія; иногда похищеніе совершалось съ согласія похищаемой („умыкаху жены себѣ съ нею же кто совѣщашеся“) [16]). Ясно, такимъ образамъ, что при умычкахъ не всегда отсутствовало взаимное согласіе умыкателя съ умыкаемой. Тѣмъ не менѣе, въ глазахъ лѣтописца умычка настолько низкій и грубый обычай, что не заслуживаетъ даже названія брака („брака у нихъ не бываше“). Бракомъ называется у лѣтописца „веденіе“ женъ, имѣвшее мѣсто у полянъ. О послѣднихъ лѣтописецъ отзывается вообще съ похвалою. Правда, говоря о брачныхъ обычаяхъ полянъ, лѣтописецъ и не говоритъ прямо, напр., объ отсутствіи у нихъ многоженства, однако, по противоположенію съ тѣмъ, что онъ говоритъ о другихъ славянскихъ племенахъ, можно думать, что его у нихъ не существовало. О другихъ славянскихъ племенахъ лѣтописецъ говоритъ, что они имѣли по двѣ и по три жены. Изъ описанія, далѣе, цѣломудрія полянъ видно, что у нихъ, при вступленіи въ бракъ, обращалось вниманіе, какъ на родство, такъ и на свойство.

---

[14]) П. С. Р. Л., т. I, стр. 14, 20, 22 и 23; Срав. *И. Забѣлина*: „Исторія русской жизни съ древнѣйшихъ временъ“. Т. I, стр. 516.

[15]) *В. Шульгинъ*: „О состояніи женщинъ въ Россіи до Петра Великаго“. Кіевъ. 1850 г., стр. 15; ср. 4.

[16]) П. С. Р. Л., т. I, стр. 6.

Затѣмъ, мы видимъ характерную черту, которая проходитъ черезъ всю почти нашу исторію и которая нашла свое выраженіе въ знаменитомъ „Домостроѣ“ XVI в., это—авторитетъ главы, старшаго въ семьѣ, власть родителей, отъ воли которыхъ зависѣлъ, можно сказать, каждый шагъ дѣтей, а тѣмъ болѣе такой, какъ бракъ. Власть и авторитетъ родителей, какъ можно думать, имѣли большое значеніе у полянъ. У послѣднихъ, по замѣчанію лѣтописца, женихъ самъ не ходилъ за невѣстой, но ее приводили къ нему. О взаимномъ согласіи здѣсь ничего не говорится. Это понятно изъ того, что сказано лѣтописцемъ объ уваженіи у полянъ къ родственнымъ связямъ, куда нужно отнести и уваженіе дѣтей къ волѣ ихъ родителей. Это можно видѣть и изъ браковъ князей, напр., Игоря съ Ольгой [17]) и Ярополка съ Гречанкою [18]). Если же обращалось вниманіе на собственное желаніе брачущихся, то очень малое, какъ увидимъ изъ послѣдующихъ браковъ князей. Лѣтопись указываетъ очень рѣдко на заключеніе браковъ по взаимному согласію брачущихся. Выдающійся случай представляетъ въ данномъ отношеніи сватовство Владиміра за Рогнѣду. Объ этомъ въ лѣтописи говорится слѣдующее: „и сѣде Володимеръ въ Новѣгородѣ, и посла къ Рогъволоду Полотьску, глаголя: хочю поняти дъчерь твою собѣ женѣ. Онъ же рече дъчери своей: хочеши ли за Володимера? Она же рече: не хочю розути робичича, но Ярополка хочю“ [19]). Изъ приведенныхъ словъ видно, что родитель, не желая нарушать и стѣснять волю дочери, спрашиваетъ ея согласія относительно вступленія ея въ бракъ.

Приведенное мѣсто лѣтописи важно для насъ и въ другомъ отношеніи: оно свидѣтельствуетъ о древнемъ свадебномъ обычаѣ, существовавшемъ у насъ и въ позднѣйшее время, обычаѣ разуванія молодою своего мужа въ первую ночь послѣ свадьбы.

---

[17]) Тамъ же, т. 1, стр. 12: „Игореви възрастъшю и хожаше по Олзѣ и слушаше его, и приведоша ему жену отъ Плескова, именемъ Ольгу [Р. Т.: „отъ Пьескова именемъ Олену (Олгу)].

[18]) Тамъ же, т. I, стр. 32: „У Ярополка же жена Грекиня бѣ, и бяше была черпицею, бѣ бо привелъ отецъ его Святославъ, и вда ю за Ярополка, красоты ради лица ея“.

[19]) Тамъ же, т. I, стр. 32. „Не хочю разути робичича“=не хочу разуть сына рабыни, такъ какъ мать Владиміра была ключницей. велик. княгини Ольги, она называлась Малуша, была дочь Малька простого жителя города Любеча. См. П. С. Р. Л., т. I, стр. 29,

Обычай разуванія выражалъ со стороны жены покорность и полное послушаніе своему мужу. По свидѣтельству иностранцевъ, посѣщавшихъ Россію въ началѣ XVI в. и въ XVII в. и оставившихъ о ней свои записки, обычай разуванія соединялся съ ударами со стороны мужа своей молодой жены плетью или голенищемъ сапога. Этотъ обычай въ XVI и XVII в.в. исполнялся даже при княжескихъ и боярскихъ бракахъ [20]). На обычай разуванія можно находить указаніе въ былинѣ „Объ Иванѣ Годиновичѣ и Овдотьѣ-Лебеди Бѣлой“. Здѣсь Иванъ говоритъ: „ужъ, ты, душечка, Овдотья.... разуй-ка у меня сафьянъ сапогъ“.... [21]).

Въ свидѣтельствѣ лѣтописца о бракахъ славянскихъ племенъ мы видѣли указаніе, что у племенъ—Древлянъ, Радимичей и пр., брака не было, но что эти племена умыкали или похищали себѣ женъ. Выраженіе „брака не было“ нужно понимать въ томъ, очевидно, смыслѣ, что онъ не совершался такъ, какъ должно, по мнѣнію лѣтописца, т. е., съ согласія родителей или родственниковъ невѣсты, что было у полянъ [22]). Несомнѣнно, конечно, у Древлянъ и другихъ славянскихъ племенъ были языческіе обычаи, по своему освящавшіе брачный союзъ. Уже то, что похищались дѣвицы у воды, можетъ указывать на соблюденіе тогда какихъ-либо обрядовъ, дѣйствій. Лѣтописецъ, обычно, говоритъ кратко, отрывочно, не указывая ни на обряды, ни на разныя дѣйствія, исполнявшіеся при водѣ. Но поясненіе того, что выражено не ясно и отрывочно, находимъ въ другихъ позднѣйшихъ источникахъ, говорящихъ намъ о томъ, напр., что, по введеніи у насъ христіанства, при свадьбахъ употреблялась вода, совершалось ею обливаніе или плесканіе, которое замѣняло у народа благословеніе и церковное вѣнчаніе [23]). Въ отдаленную эпоху жизни нашихъ

---

[20]) *А. Терещенко*: „Бытъ русскаго народа“, ч. 2-я, стр. 35—36; *Ив. Сахарова*: „Сказанія русскаго народа“. СПБ., 1849 г., т. II-й, кн. 6-я, стр. 28—29; *Г. Георгіевскій*: „Древне-русскія свадьбы“ (см. журн. „Русское Обозрѣніе“, 1894 г., Декабрь, стр. 861—862).

[21]) „Журн. Мин. Нар. Просв.“, ч. CCXCIX (1895 г.). стр. 332.

[22]) *Соловьевъ*. „Исторія Россіи“, т. I, стр. 62.

[23]) „Русскія достопамятности“, ч. 1, стр. 101; „Русская Историческая библіотека“, т. VI, стр. 99; *Снегиревъ*. „Русскіе простонародные праздники и суевѣрные обряды“. Москва. 1887 г. вып. 1, стр. 25, 55; „Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи“, кн. 1, стр. 14.

предковъ, въ эпоху, когда въ силѣ былъ обычай „похищенія“ или „умычки“ невѣстъ, водѣ придавалось большое значеніе при заключеніи брачнаго союза. Рѣки, ручьи, озера были мѣстами, гдѣ часто заключались браки язычника—славянина. Достаточно было объѣхать свадебному поѣзду трижды вокругъ, напр., озера, чтобы считать бракъ совершеннымъ. Впослѣдствіи долгое время, по принятіи нашими предками христіанской вѣры, обычай этотъ держался въ народѣ, замѣняя собою церковный чинъ вѣнчанія. Въ XII—XIII столѣтіи наши церковные писатели и іерархи возставали противъ такого почитанія воды. „Се слышахомъ, писалъ Кириллъ, митрополитъ Кіево-Владимірскій, въ предѣлахъ новгородскихъ невѣсты водятъ къ *водѣ* и нынѣ не велимъ тому тако быти, или то проклинать повелѣваемъ“ [24]). Насколько крѣпко держался этотъ обычай въ быту славянскаго древне-русскаго человѣка, видно изъ того, что въ недавнее сравнительно время, въ половинѣ XIX ст., онъ примѣнялся въ Витебской губерніи (землѣ древнихъ Кривичей), въ Люцинскомъ уѣздѣ, среди раскольниковъ. Молодой парень, условившись съ дѣвушкой, отправлялся къ священному озеру, объѣзжалъ его трижды вокругъ и тѣмъ какъ бы скрѣплялъ свой брачный союзъ [25]). Отголосокъ древняго почитанія у нашихъ предковъ при заключеніи брака воды можно находить въ нѣкоторыхъ обычаяхъ, имѣющихъ отношеніе къ указанному почитанію и доселѣ еще существующихъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи,—тамъ, гдѣ не совсѣмъ еще искоренились различнаго рода языческія примѣры и суевѣрія. По свидѣтельству А. Коринѳскаго, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нашего отечества доселѣ существуетъ обычай, по которому женихъ и невѣста клянутся надъ колодцемъ въ будущей супружеской вѣрности другъ другу, а въ 30-хъ годахъ прошлаго столѣтія, по указанію того же автора, соблюдался въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обычай молиться надъ родниками, хотя-бы тамъ и не было поставлено ни креста, ни часовни [26])... Въ Костромской губ. существуетъ въ настоящее время обычай, по которому во время гуляній молодыхъ людей на Красной горкѣ, въ первый день Ѳоминой недѣли, парни

---

[24]) *А. Коринѳскаго:* „Народная Русь“, стр. 65.

[25]) См. Сборникъ критическихъ и библіографическихъ статей, отд. IV-й, стр. 101.—въ фунд. Библіотекѣ Тульск. духов. Семинаріи, №$^{289}/_{2}$.

[26]) *А. Коринѳскаго:* „Народ. Русь“, стр. 64—65.

обливаютъ водой тѣхъ дѣвушекъ, которыя имъ приглянулись, пришлись, какъ говорятъ, по сердцу. За ту дѣвушку, которую парень облилъ водою, онъ, по предписанію обычая, и долженъ свататься [27]). Несомнѣнно, въ основѣ указанныхъ нами брачныхъ обычаевъ, связанныхъ съ священнымъ почитаніемъ у нашихъ предковъ *воды*, лежатъ древнія миѳическія представленія. Какъ извѣстно, религія нашихъ предковъ славянъ состояла, съ одной стороны, въ поклоненіи стихійнымъ божествамъ, съ другой, въ почитаніи душъ умершихъ предковъ. Вода, какъ одна изъ стихій міра, безъ которой невозможна жизнь живого существа на землѣ, имѣла въ глазахъ славянина—язычника большое значеніе. Онъ надѣлилъ ее издавна вѣщею, цѣлительною силою и силою плодородія. Дождь, который шелъ съ неба, по представленію славянина—язычника, изливался облачною дожденосною дѣвою, вступавшею въ брачный союзъ съ богомъ-громовникомъ. Съ теченіемъ времени, съ дождевой воды сила плодородія была перенесена народомъ на рѣки, ручьи и озера. Какъ озера, такъ и другія водовмѣстилища, воображеніе древне-русскаго человѣка населило божествами, которыхъ онъ старался умилостивить посильными дарами, жертвами. Одинъ изъ древнихъ нашихъ памятниковъ, такъ называемая „Густинская лѣтопись“ [28]), разсказываетъ слѣдующее о языческихъ обычаяхъ, связанныхъ съ миѳическимъ почитаніемъ у древне-русскаго человѣка воды: „собравшеся юніи, играюще, вметаютъ человѣка въ воду, и бываетъ иногда дѣйствомъ тѣхъ боговъ, си есть бѣсовъ, разбиваются и умираютъ, или утопаютъ; по иныхъ же странахъ не вкидаютъ въ воду, но токмо водою поливаютъ, но единако тому же бѣсу жертву сотворяютъ“ [29]). Несомнѣнно, поливаніе, плесканіе водою, употреблявшееся при заключеніи брачнаго союза у древне-русскаго человѣка, имѣло значеніе освященія, замѣнявшаго собою церковное вѣнчаніе.

Сказанное нами о миѳическомъ значеніи воды у древне-русскаго человѣка находитъ для себя аналогію въ миѳическихъ представленіяхъ грековъ. По представленію славянина—язычника

---

[27]) Тамъ же, стр. 244—245.

[28]) Названіе „Густинской“ лѣтопись получила отъ имени Густинскаго Свято-Троицкаго монастыря, Прилуцкаго уѣзда, Полтавской губ., гдѣ она велась. Этотъ монастырь былъ основанъ въ 1600 г., въ 1799 г. закрытъ, а въ 1843 г. возобновленъ.

[29]) *А. Кориневскаго*: „Народная Русь“, стр. 245.

ника, дождь, источникъ урожая, плодородія, изливался облачною дѣвою, вступающею въ брачный союзъ съ богомъ-громовникомъ. То же самое почти находимъ и у грековъ. По ихъ представленію, вода является женою солнца, изъ нея рождается прекрасная дѣвица, богиня Афродита, всеобщая любовь. Ее старались умилостивлять, умолять различными дарами и жертвоприношеніями. Нельзя не видѣть, что своими миѳическими представленіями и вѣрованіями въ водяныхъ существъ, какъ и многимъ другимъ, древне-русскій человѣкъ обязанъ въ значительной степени Греціи. Принимая во вниманіе сказанное сейчасъ о почитаніи греками очаровательной, юной богини, рождающейся отъ брачнаго союза воды съ солнцемъ, для насъ понятно будетъ почитаніе у нашихъ предковъ и водяныхъ очаровательныхъ существъ, называемыхъ русалками, и тѣхъ священныхъ водъ,—озеръ и рѣчекъ, гдѣ, по сказанію лѣтописца, древніе Славяне умыкали себѣ женъ.

У нашихъ предковъ славянъ, какъ видно изъ сказаннаго, въ древне-языческую эпоху были господствующими двѣ главныхъ формы брачныхъ союзовъ: бракъ въ формѣ „веденія“ женъ, сопровождающагося приданымъ, даваемымъ за невѣсту ея родителями или родными, и похищеніе, совершавшееся или насильственно, или съ согласія похищаемой („съ нею-же кто съвѣщашеся“). Послѣдняя форма брачныхъ союзовъ, какъ увидимъ, существовала въ древней Руси среди простого народа весьма долгое время, остатки ея, увидимъ, можно находить въ недавнее время. Эта форма брачныхъ союзовъ, при разрозненности и враждебныхъ отношеніяхъ родовъ, была вполнѣ естественною и необходимою. По замѣчанію А. Попова, во время сильнаго развитія родового устройства каждый членъ одного рода, соперничая съ другимъ, стыдится просить себѣ жену въ другомъ родѣ [30]). Указаніе на похищеніе невѣсты, совершавшееся въ старину при разрозненности и враждебности родовъ, даютъ нѣкоторыя свадебныя пѣсни. Въ одной изъ пѣсенъ, напр., невѣста плачетъ о томъ, что „увезутъ ее недруги—разлучники на сторону чуже-дальную, въ чужи люди не знакомые, къ чужому отцу-матери, къ чужому роду-племени“ [31]).

---

[30]) „Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи“, кн. 1, стр. 10, примѣчаніе 3-е.

[31]) *П. Степанова*: „Народные праздники на святой Руси“. СПБ., 1899 г., стр. 85.

Похищеніе, по объясненію Соловьева, привело къ новой формѣ брака—*куплѣ невѣстъ*. Это могло произойти такимъ образомъ. Родъ, изъ котораго похищалась дѣвица, оказавшись сильнѣе рода похитителя, могъ требовать вознагражденія и похититель могъ его дать. Съ другой стороны, плата за невѣсту могла быть естественнымъ вознагражденіемъ роду за ея содержаніе. Понятно, если дѣвушка приходила въ чужой родъ безъ согласія родичей, то она тѣмъ самымъ разрывала связь съ своимъ родомъ, не могла получить отъ него ничего, и прежніе родичи старались лишь о томъ, чтобы получить плату. Происхожденіе платы за невѣсту, такимъ образомъ, является одинаковымъ съ возникновеніемъ у насъ въ позднѣйшее время такъ называемой „выводной куницы“, о которой рѣчь будетъ ниже [32]). Въ доказательство существовавшей у насъ нѣкогда куплн невѣстъ Соловьевъ ссылается на существующій въ простонародной свадьбѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи обрядъ покупки невѣстъ дружкомъ жениха [33]). Подтвержденіе своей мысли Соловьевъ старается найти и въ указаніяхъ лѣтописи. Для этого онъ ссылается на чтеніе Ипатьевскаго списка: „а завьтра приношаху что на ней вдадуче“, указывающее, по его мнѣнію, на куплю, а не на приданое, за невѣстой приносимое со стороны ея родителей и родственниковъ. Далѣе, по мнѣнію Соловьева, самое слово *вѣно*, о которомъ говоритъ лѣтопись, съ производнымъ „вѣнити“, также можетъ служить указаніемъ на куплю. Въ виду этого, кромѣ чтенія Ипатьевскаго списка, онъ видитъ прямое указаніе на плату за невѣсту въ двухъ фактахъ уплаты вѣна—въ уплатѣ вѣна Владиміромъ грекамъ за Анну и Казиміромъ Ярославу за его сестру [34]). Въ доказательство того, что вѣно означало первоначально куплю, Соловьевъ приводитъ слѣдующее выраженіе въ переводѣ правилъ Іоанна Схоластика: „и о дѣвствахъ и о рабыняхъ, дающихся самѣмъ чрезъ вѣно владущихъ ими“. Впослѣдствіи, говоритъ Соловьевъ, вѣно не утратило у насъ совсѣмъ своего значенія: оно перешло въ подарки отъ жениха

---

[32]) См. цитир. выпис. „Архивъ историко-юридич. свѣд.“.. кн. 1, стр. 11.

[33]) *А. Терещенко*: „Бытъ русскаго народа“, ч. 2-я, стр. 517—518; сравн. „Арх. истор.-юрид. свѣд., кн. 1, стр. 11.

[34]) П. С. Р. Л., т. 1-й, стр. 50; т. II-й, стр. 267. „Владиміръ вдасть за вѣно Грекомъ Корсунь царицы дѣля“. Казиміръ „вдасть за вѣно людіе 800“.....

родственникамъ невѣсты, а самое слово „вѣно“ стало употребляться въ смыслѣ брачныхъ условій, брачной росписи [35]).

Пониманіе „вѣна“, какъ цѣны, какъ платы за невѣсту, оспаривалось у насъ Шульгинымъ [36]) и Неволинымъ [37]). Первый указывалъ на чтеніе Лаврентіевскаго списка лѣтописи: „приношаху по ней, что вдадуче“, говорящее о приданомъ, которое давалось за невѣстой ея родными. Что же касается вѣна русскаго князя и польскаго короля, то оно, по мнѣнію автора, скорѣе означало подарки, простое вознагражденіе за расположеніе, за приданое, чѣмъ плату въ собственномъ смыслѣ за невѣсту. Также смотритъ на вѣно въ данномъ случаѣ и Неволинъ. Нѣкоторые же изслѣдователи русской исторіи нѣсколько иначе смотрятъ на указанное нами „вѣно“. Послѣднее, по ихъ мнѣнію, представляло собою скорѣе *выкупъ* за невѣсту, чѣмъ просто подарки, вознагражденіе за приданое. Такъ смотритъ въ данномъ случаѣ на вѣно Орестъ Левицкій. По его мнѣнію, вѣно первоначально означало выкупъ за невѣсту. Такое значеніе оно имѣло во времена Владиміра и Казиміра. Характеръ выкупа въ вѣнѣ можно отчасти видѣть, говоритъ Левицкій, изъ того, что оно выдавалось женихомъ не невѣстѣ, а ея роднымъ. Съ теченіемъ же времени вѣно измѣнило свой характеръ, получивши значеніе обезпеченія женщины по выходѣ ея замужъ, почему оно и стало отдаваться не родственникамъ невѣсты, а ей самой, въ ея личное распоряженіе. Женихъ давалъ передъ свадьбой невѣстѣ такъ называемую „вѣновную“ запись, въ которой обозначалось то, что давалось невѣстѣ въ обезпеченіе ея приданаго [38]).

Понимаемое въ указанномъ сейчасъ смыслѣ, вѣно является аналогичнымъ греко-римскому предбрачному дарепію невѣсты со стороны жениха. Обычай этотъ на востокѣ имѣлъ широкое распространеніе и былъ санкціонированъ впослѣдствіи законодательствомъ Константина Великаго и Юстиніана. Предбрачный даръ, предбрачное дареніе (donatio ante nuptias)— это свободное со стороны жениха въ пользу невѣсты припо-

---

[35]) *Соловьева*: „Исторія Россіи“, т. I, стр. 65—66, примѣч. 1, 2; срав. *Сахарова*: „Сказанія рус. народа“, т. II-й, кн. 5, стр. 150.

[36]) См. цитир. „О состояніи женщинъ въ Россіи“....

[37]) См. его полн. собр. сочин., СПБ., 1857 г., т. III-й.

[38]) *Ореста Левицкаго*: „О семейныхъ отношеніяхъ въ юго-западной Руси въ XVI—XVII вѣкахъ“ (журн. „Русская Старина“ 1880 г., Ноябрь, стр. 552—554).

шеніе, которое могло въ извѣстныхъ случаяхъ, опредѣляемыхъ закономъ, поступать въ имущество жены послѣ смерти ея мужа. Законодательство Юстиніана требовало для имущественно равныхъ браковъ приношенія съ обѣихъ сторонъ, со стороны невѣсты (dos=приданое) и со стороны жениха (donatio ante nuptias=предбрачное дареніе). Требованіе это, однако, не было обязательнымъ для всѣхъ классовъ общества, а лишь только для классовъ высшихъ. Указаніе на это дастъ намъ одна глава изъ новеллъ Юстиніана, гдѣ говорится: „In majoribus dignitatibus usque ad senatores nostros et magnificentissimos illustres... sit omnino et dos et ante nuptias donatio, et reliqua omnia, quae honestiora illa nomina decent“ [39]).

Подобно греко-римскому браку, древне-русскій бракъ имѣлъ своею принадлежностію, съ одной стороны, приданое, которымъ снабжалась дѣвушка, при выходѣ замужъ, съ другой, вознагражденіе невѣсты со стороны жениха. Что касается приданаго, то нужно сказать, что снабженіе имъ дѣвушки, при выходѣ ея замужъ, составляло обязанность рода и семьи. Давать за невѣстой приданое предписывалъ исконный обычай, получившій впослѣдствіи законную санкцію. „Русская Правда“, представляющая изъ себя важнѣйшій памятникъ для изученія древне-русскаго права, говоритъ объ обязанности семьи и родственниковъ снабдить дѣвушку при замужествѣ приданымъ. Что дѣвушка получала при выходѣ замужъ приданое изъ состава семейнаго имущества, показываетъ статья „Русской Правды“, гдѣ, напр., говорится, что „если будетъ сестра въ семьѣ, то ей не получать наслѣдства, но братья, сообразно съ своимъ достаткомъ, снабдятъ ее приданымъ при замужествѣ“ [40]). Дѣвушка, такимъ образомъ, не могла при братьяхъ получить наслѣдства въ равномъ съ ними размѣрѣ, выходя же замужъ, она получала достаточное себѣ приданое, которое, по указанію „Русской Правды“, являлось одною составною частью имущества замужней женщины. Что же касается другой, то ее составляло вознагражденіе, дававшееся невѣстѣ со стороны жениха, вѣно, которое раньше имѣло характеръ выкупа за невѣсту и передавалось не ей самой, а ея роднымъ.

---

[39]) *Гуляева*: „Предбрачный даръ въ римскомъ правѣ и въ памятникахъ византійскаго законодательства„, Дерптъ. 1891 г., стр. 83, 97—102.

[40]) *Н. Рожкова*: „Обзоръ русской исторіи съ соціологической точки зрѣнія“ (журн. „Міръ Божій“, 1903 г., Апрѣль, стр. 84).

Вѣно, въ смыслѣ выкупа за невѣсту ея роднымъ, было вполнѣ естественнымъ явленіемъ въ отдаленную эпоху жизни нашихъ предковъ. Женщина цѣнилась тогда не столько какъ нравственная личность, сколько какъ работница въ семьѣ. Съ выходомъ дѣвушки замужъ, семья лишалась, прежде всего, лица, которое раздѣляло семейный трудъ, лишалась работницы, рабочей силы. Естественно было для семьи, лишившейся такого своего члена, требовать для себя какого-либо вознагражденія, платы. Послѣдняя могла служить возмѣщеніемъ, съ одной стороны, за тѣ рабочія руки, которыхъ семья лишалась, съ другой,—за содержаніе дѣвушки, выходящей замужъ. Указаніе на существованіе у насъ нѣкогда такой платы можно видѣть въ свадебномъ обычаѣ, доселѣ существующемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи: Около невѣсты садится братъ или какой-либо другой родственникъ.—„Зачѣмъ сидишь здѣсь?“—спрашиваетъ дружка. „Я берегу свою сестру“,—отвѣчаетъ братъ. „Она уже не твоя, а наша“.—„А если она теперь ваша, то заплатите мнѣ за ея прокормленіе. Я одѣвалъ ее, кормилъ, поилъ“ [41]).

Выкупъ за невѣсту, о которомъ мы сейчасъ сказали, какъ можно видѣть, не означалъ у нашихъ предковъ существованія въ собственномъ смыслѣ покупки невѣсты. Основываясь на твердыхъ историческихъ данныхъ, нельзя доказать существованія у насъ на Руси этого обычая. Соловьевъ, какъ мы сказали, пытался доказать существованіе покупки невѣстъ, ссылаясь на обычай уплаты со стороны жениха вѣна въ пользу родныхъ невѣсты и на самое слово „вѣно“, означающее будто покупку невѣсты, плату или цѣну за нее. Но мы уже видѣли, какое значеніе имѣло у насъ вѣно и какъ на него смотрѣли другіе ученые. Что же касается собственно слова „вѣно“, то нѣкоторые ученые сближаютъ его съ словомъ „вѣнокъ“, указывая на то, что оно, по свойству своему, означаетъ цѣну, плату за вѣнокъ, такъ какъ вышедшая замужъ дѣвица лишалась права носить вѣнокъ, которымъ въ старину дѣвицы отличались отъ замужнихъ. Вѣнокъ, который носили дѣвицы, назывался „дѣвичьимъ“ [42]). Если дѣвица не носила этого вѣнка, то это служило признакомъ ея замужества. Поэтому платить за

---

[41]) *Н. Степанова*: „Народные праздники на святой Руси“. СПБ., 1899 г., стр. 86.

[42]) *Котошихина*: „О Россіи въ царствованіе Алексія Михайловича“, стр. 7, 8; см. также слово *„вѣно“* въ Словарѣ Академіи Россійской. СПБ, 1789 г., ч. 1-я.

вѣнокъ, давать вѣно, означало въ сущности не что иное, какъ платить, давать выкупъ или выводъ за невѣсту ея роднымъ.

Если нельзя находить указанія на существованіе у насъ нѣкогда обычая покупки невѣстъ въ такъ называемомъ „вѣнѣ", то нельзя-ли находить его въ свадебныхъ обрядахъ, существующихъ въ простонародьи и, повидимому, содержащихъ въ себѣ слѣды покупки и продажи невѣстъ? Насколько можно видѣть, браки простонародья совершаются со всѣми формальностями купли и продажи. „Мы видимъ, говоритъ Шульгинъ, что покупщиками являются родственники жениха, или онъ самъ, продавцами невѣсты ея родители или родственники; видимъ, что невѣста постоянно называется товаромъ, женихъ—купцемъ; невѣста прежде заключенія брачнаго договора подвергается смотринамъ, а женихъ глядинамъ, причемъ, родители или сваты играютъ роль настоящихъ оцѣнщиковъ; далѣе, видимъ рукобитье, обрученіе, причемъ, отецъ обвертываетъ свою руку бѣлою ширинкою, беретъ за руку дочь и передаетъ ее жениху, который также принимаетъ ее рукою, обвернутою въ ширинку; наконецъ, слѣды покупки открываемъ въ обрядахъ выкупа невѣстиной постели, выкупа мѣста подлѣ невѣсты у ея брата или родственника, выкупа и продаванья дѣвичьей косы" [43]). То, что мы видимъ въ этихъ обрядахъ, можетъ-ли, однако, служить для насъ положительнымъ доказательствомъ существованія у насъ въ старину обычая покупки невѣстъ? Имѣемъ-ли мы полное право на основаніи указанныхъ обрядовъ дѣлать заключеніе о существованіи покупки и продажи невѣстъ, какъ положительномъ фактѣ? Мы должны съ большой осторожностью пользоваться указанными источниками. Самъ Шульгинъ, говоря объ указанныхъ нами обрядахъ, замѣчаетъ, что „они представляютъ такой аггрегатъ самыхъ разнородныхъ, разномѣстныхъ и разновременныхъ обычаевъ, что не только покупку невѣстъ, но и какой угодно обычай можемъ мы подтвердить ими, если только забудемъ, что эти обычаи и обряды (современнаго простонародья) нужно сперва разобрать на группы и потомъ уже пользоваться ими для историческихъ изслѣдованій" [44]).

---

[43]) См. цитир. выше „Сборникъ критическихъ и библіографическихъ статей", отд. 14, стр. 103—104.

[44]) Тамъ же, стр. 104.

Основываясь на буквальномъ пониманіи обрядовъ, нѣкоторые иностранцы, посѣщавшіе Россію и оставившіе свои сказанія, находили въ ней обычай покупки женъ. Въ началѣ XV в. (1412—1414 г.) доказывалъ существованіе этого обычая въ новгородской землѣ одинъ рыцарь—странствователь, Гильбертъ де-Ланноа. Поводомъ къ признанію этого обычая для него послужило то обстоятельсгво, что онъ буквально понялъ выраженія: „купецъ“, „товаръ“, прилагавшіяся въ свадебныхъ обрядахъ народа къ жениху и невѣстѣ. Могъ также рыцарь понять въ смыслѣ покупки и калымъ (выкупъ) за невѣсту. Находя слѣды покупки и продажи женъ, рыцарь не одобрительно по этому относится къ русскому народу, замѣчая, что они, франкскіе христіане, никакъ бы на это не дерзнули (Nous les francs chrestiens ne l' oserions faire sur la vie)[45]). Желая доказать существованіе среди русскаго народа обычая продажи и покупки женъ, рыцарь ссылался на помѣщенное въ Софійскомъ Временникѣ сказаніе о томъ, что во время сильнаго голода, постигшаго Суздальскую землю въ 1024 г., мужья отдавали своихъ женъ на прокормленіе челядинцамъ. Но въ этомъ, какъ ясно, нельзя видѣть въ собственномъ смыслѣ продажи женъ; здѣсь была лишь временная отдача ихъ на прокормленіе, отдача, ссылаться на которую для доказательства существованія продажи женъ нѣтъ основанія. По крайней мѣрѣ, нѣтъ опредѣленныхъ, ясныхъ указаній на существованіе этого обычая вообще въ древней Руси и въ предѣлахъ новгородской земли въ частности. Со стороны упомянутаго рыцаря была простая ошибка, подобная той, которую сдѣлалъ иностранецъ, въ прошломъ столѣтіи прибывшій въ Россію для ея изученія. Иностранецъ, увидѣвъ въ нашихъ деревняхъ столбъ для качелей, простодушно заключилъ о существованіи у насъ, русскихъ, висѣлицъ и о жестокихъ, варварскихъ нашихъ нравахъ[46]). Относительно вообще иностранныхъ сказаній о Россіи нужно замѣтить, что они во многихъ случаяхъ наполнены ошибками, почему нельзя ко всѣмъ имъ относиться съ полнымъ довѣріемъ.

Говоря о свадебныхъ обычаяхъ въ древней Руси, мы остановимся здѣсь на одномъ обычаѣ, существованіе котораго предполагаетъ у насъ Татищевъ въ своей Исторіи Россійской. Это

---

[45]) Тамъ же, отд. IV, № 167, стр. 3—4.

[46]) *С. Максимова*: „Крылатыя слова“. СПБ., 1899 г. 2-е изд., стр. 8—9.

обычай „jus primae noctis“. Не говоря много о немъ, мы укажемъ, что этотъ обычай весьма древній, онъ встрѣчался, напр., среди Вавилонянъ; рѣдко встрѣтить его можно среди нѣкоторыхъ жителей Америки, Австраліи и Океаніи, можно встрѣтить его, хотя весьма рѣдко, и внѣ этихъ странъ. По свидѣтельству нѣкоторыхъ ученыхъ, этотъ обычай въ крѣпостное время соблюдался и среди русскаго народа, именно, среди помѣщиковъ. Можно думать, что въ злоупотребленіи силой и властью заключался у насъ одинъ изъ источниковъ обычая „jus primae noctis.“ [47]). Татищевъ же предполагаетъ, что этотъ обычай существовалъ у нашихъ предковъ въ древнюю пору. Татищевъ, какъ онъ самъ сообщаетъ, былъ наведенъ на это спискомъ лѣтописи, который онъ называетъ раскольничьимъ. Въ этомъ спискѣ онъ нашелъ извѣстіе, что Ольга отмѣнила „княжее“, а положила брать отъ жениха по черной кунѣ или куницѣ князю и боярину. Признавшись, что ему неизвѣстно значеніе выраженія „княжее“, Татищевъ, однако, сдѣлалъ предположеніе, что оно означало упомянутый обычай [48]). Предположеніе это раздѣляетъ Эверсъ, который подробно разсматриваетъ извѣстіе Татищева и старается отыскать слѣды существованія указаннаго обычая въ Россіи и въ позднѣйшія времена [49]). Неволинъ, заподозрѣвая достовѣрность списка, не соглашается съ Татищевымъ и опровергаетъ Эверса, указывая на то, что позднѣйшая исторія наша не говоритъ ничего о существованіи у насъ предполагаемаго обычая. Что же касается выраженій „куна“, купица, то они означали у насъ пошлины, какъ свадебныя, такъ и разныя другія [50]). Самое слово „куна“, „купица“ означаетъ хищнаго звѣрка, является его названіемъ. Въ старину разныя пошлины, налоги платились вмѣсто денегъ натурою. Употреблялись вмѣсто денегъ, напр., цѣлыя шкурки куницы или лобки и мордки этого звѣрка. Въ древнемъ лѣтописномъ сказаніи о новгородской торговлѣ находится такое замѣчаніе: „начаша новгородцы торговати

---

[47]) *А. Максимова*: „Что сдѣлано по исторіи семьи? Очеркъ современнаго положенія вопроса о первобытныхъ формахъ семьи и брака“. Москва, 1901 г., стр. 36—37.

[48]) *Татищева*: „Исторія Россійская“, кн. II-я, стр. 45 и примѣч. 135 на стр. 392.

[49]) См. сочиненіе *Эверса*: „Das alteste Recht der Russen“, s. 70—75.

[50]) См. цитир. выше Полн. собр. соч. *Неволина*, т. III, стр. 132; сравн. прим. 413-е.

бѣльими лобки и гроши Литовскими и артуги нѣмецкими, а куны отложиша, еже есть мордки куньи. А прежде артуговъ торговали лобки куньими, а прежде лобковъ куньихъ торговали мордки бѣльими и куньими“ [51])....

Позднѣйшіе памятники показываютъ существованіе у насъ такъ называемой „выводной“ куницы; она существовала до второй половины XVIII в. Это была пошлина, налагавшаяся князьями на городское и сельское населеніе,—пошлина, представлявшая сначала простой подарокъ по случаю брака начальнику извѣстной общины. Подарокъ этотъ былъ вполнѣ естественнымъ, обычнымъ, когда брачущіеся были изъ одной общины съ господиномъ, и необходимымъ, когда невѣста выходила изъ своей общины. Въ этомъ случаѣ онъ представлялъ родъ откупа за невѣсту, за ея содержаніе и прокормленіе. Происхожденіе „выводной куницы“ сходно отчасти съ происхожденіемъ признаваемой, какъ мы видѣли, у насъ Соловьевымъ купли невѣстъ, или, лучше, съ происхожденіемъ выкупа за невѣсту, получившаго названіе вѣна. Но въ выводной куницѣ нельзя видѣть ни указанія на куплю невѣстъ, ни, тѣмъ болѣе, на существованіе обычая „jus primae noctis.“

Размѣръ платы за выводъ, или, что то же, размѣръ „выводной куницы“ опредѣлялся различно, смотря по тому, выходила-ли дѣвица изъ своей общины, или-же нѣтъ. Въ первомъ случаѣ полагалась плата большая, во второмъ—меньшая. Доказательствомъ этому служатъ грамоты, которыя давались князьями. Такъ, напр., въ грамотѣ великаго князя Іоанна Васильевича Бѣлоозерцамъ (XV в.) говорится, что кто отдастъ дочь свою замужъ изъ города въ городъ, въ волость, или изъ волости въ волость, долженъ отдать за „выводную куницу“ *алтынъ*; а кто отдастъ за рубежъ въ Московскую или Новгородскую земли, долженъ отдать *два алтына*. Болѣе раннее указаніе на существованіе такой пошлины при заключеніи браковъ находимъ въ актѣ, писанномъ около 1400 г. Это жалованная грамота Ярославскаго князя Ѳеодора Ѳеод. Толгскому монастырю [52]).

Князья и владѣльцы собирали пошлину въ свою пользу, иногда же представляли сборъ ея въ пользу назначенныхъ ими лицъ. При выводѣ дѣвицы писались такъ называемыя

---

[51]) См. слова: „куна“, „куны“ въ Словарѣ Академіи Россійской, ч. 3-я.

[52]) Полн. собр. соч. *Неволина*, т. III, стр. 154—158.

„отпускныя выводныя памяти“. Въ нихъ означались имена невѣсты и жениха, волость, мѣсто, куда выдается невѣста, а также количество или размѣръ „выводной куницы“. Иногда помѣщались нѣкоторыя подробности, заслуживающія вниманіе,—свидѣтельствующія о взглядѣ на бракъ нашихъ предковъ и объ ихъ издавна существовавшихъ обычаяхъ. Въ одной „выводной памяти“, изъ второй половины XVII в., мы читаемъ: „Память мнѣ.... Григорію Гурьеву. Выдалъ есми дочь свою Марью Судомъ Божіимъ сватовствомъ за Аѳанасья. А выводныя куницы по приказу государя своего..... взялъ рубль. Въ томъ есми и выводную далъ“ [53])... Здѣсь, кромѣ указанія на существованіе у насъ въ позднѣйшее время „выводной куницы“, обращаютъ на себя вниманіе выраженія: „Судомъ Божіимъ“, „сватовствомъ“, выражающія мысль о сознаніи народномъ важности брака, о заключеніи его съ благословенія Божія и согласія родителей. Бракъ у нашихъ предковъ издавна считался „Судомъ Божіимъ“ [54]). Считается онъ таковымъ среди народа и понынѣ, какъ это видно изъ народныхъ пѣсенъ. Какъ примѣръ, приведемъ здѣсь нѣсколько словъ одной пѣсни:

„Въ Воскресенье мнѣ, матушка,
Къ Суду Божьему ѣхати,
Подъ золотымъ вѣнцомъ стояти
Съ удалымъ добрымъ молодцемъ“ [55]).

На существованіе „выводной куницы“ при заключеніи браковъ, кромѣ прямыхъ указаній, находятъ указаніе въ свадебномъ обычаѣ класть въ вино за окупъ невѣсты деньги. Вл. Даль, въ своемъ „Сборникѣ пословицъ“, приводитъ одну пословицу, указывающую на этотъ обычай: „пей-ка, на днѣ копейка: еще попьешь, грошъ найдешь“.

Изъ свадебныхъ обычаевъ, издавна существовавшихъ у нашихъ предковъ, укажемъ еще на одинъ. Это обычай брать совершителямъ Таинства брака плату и разные подарки. Интересныя указанія на это можно находить въ пѣсняхъ—причетахъ [56]), существующихъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи, и въ

---

[53]) „Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ“, 1900 г., кн. III-я, стр. 30; соч. *Неволина*, т. III-й, стр. 159, прим. 514-е.

[54]) „Журн. Мин. Народ. Просв.“, ч. CCXCIX (1895 г.), стр. 333.

[55]) *Лопатина Н.* „Полный народный пѣсенникъ“. Москва, 1885 года, стр. 183, ч. VI-я, Пѣсни свадебныя.

[56]) Въ Костромской губ. есть пѣсня:

„А попу-то куницу, куницу,
А попадьѣ-то лисицу, лисицу;

сказаніяхъ иностранцевъ. При свадьбахъ попы вымогали иногда больше должнаго; народу приходилось просить и долго умолять своего попа, съ поклонами до земли. Поэтому и образовалась пословица: „жениться не страшно, а страшно еднать (упрашивать) попа“ [57]). О женитьбѣ такія, напр., у деревенскихъ краснобаевъ можно слышать слова: „не страшно жениться—страшно къ попу приступиться: женись—плати, кресги—плати, умирай—плати“ [58])..... —

Разсмотрѣвши брачные обычаи славянскаго народа въ періодъ дохристіанскій, коснувшись также нѣкоторыхъ обычаевъ въ позднѣйшее время, во времена христіанскія, мы перейдемъ къ разсмотрѣнію другихъ свадебныхъ обычаевъ по введеніи у насъ христіанской вѣры. Разсмотримъ сначала обычаи свадебные въ XI—XVI в., а затѣмъ въ XVI—XVIII в. Указанные обычаи славянъ во времена языческія остались и по принятіи христіанской вѣры; нѣкоторые изъ нихъ подверглись вліянію христіанства, дѣйствію византійскихъ обычаевъ и законовъ, что особенно сказалось, какъ увидимъ, на обычаяхъ князей и царей. Въ простомъ же народѣ весьма долгое время, по введеніи христіанства, до самаго XVI в., ясно обнаруживались слѣды язычества, существовало двоевѣріе. Нѣкоторые изъ свадебныхъ обычаевъ, какъ мы уже говорили, были заимствованы у Грековъ; нѣкоторые изъ народныхъ бытовыхъ обычаевъ внесены были и въ потребники. До XVI почти вѣка мы находимъ свѣдѣнія о свадебныхъ обычаяхъ по большей части отрывочныя, неполныя; въ XVI—XVIII в. эти свѣдѣнія являются болѣе полными; мы уже видимъ цѣлый чинъ свадебный. Къ этому времени свадьба осложняется многими другими обычаями. Въ виду этого, дальнѣйшее разсмотрѣніе свадебныхъ обычаевъ въ древней Руси для большаго удобства раздѣлимъ на два періода: первый—въ XI—XVI в., второй—въ XVI—XVIII в.

А попову-то сынку
Бумажечку синю“.... (*Снѣгирева*: „Русскіе простонародные праздники“, вып. I, стр. 116).

[57]) *Ч. И. О. И.* и др. Р. 1846 г., № 4, гл. II-я, стр. 38—39; срав. *Рушинскаго*: „Религіозный бытъ русскихъ по свѣдѣніямъ иностранныхъ писателей XVI и XVII в.в.“, стр. 118.

[58]) *Коринѳскаго*: „Народная Русь“, стр. 435.

II.

Обращаясь къ свадьбамъ князей, мы видимъ, прежде всего, господство у нихъ обычая, который держался у полянъ. Это — заключеніе брака по волѣ родителей, господство ихъ авторитета, который не рѣдко подавлялъ волю и желаніе дѣтей. Это — распоряженіе родственниковъ и господъ судьбою брачущихся. Дѣйствующими лицами въ бракахъ князей являются родители. Вообще, въ древней Руси власть, авторитетъ родителей были весьма велики, доходя часто до произвола въ распоряженіи судьбою дѣтей [59]).

То притѣсненіе брачущихся, то подавленіе ихъ воли и желанія, которое было въ древней Руси, нерѣдко вызывало борьбу съ собою духовенства и церковныхъ уставовъ. Церковный статутъ, напр., Ярослава (XI в.), желая оградить свободу брачущихся, требовалъ уплаты въ пользу архіерея пени съ родителей, если ихъ дочь, выданная замужъ противъ воли, лишала себя жизни. Произволъ родителей въ распоряженіи судьбою своихъ дѣтей, однако, долгое время не могъ совсѣмъ искорениться. Сила обычая и народнаго сознанія, поддерживавшаго его, была настолько велика, что нельзя было сразу и рѣшительно искоренить указанную ненормальность въ отношеніяхъ родителей къ волѣ и желанію ихъ дѣтей. Насколько воля и собственное желаніе брачущихся мало имѣли значенія въ древне-русскомъ обществѣ, можно видѣть отчасти изъ выраженій лѣтописца: такой-то князь „поя дщерь“ за сына, „проси дщери“ „Отца дщерь“, или: „повелѣ женитися“ [60])....

Заключаемый по большей части по волѣ родителей, бракъ имѣлъ у нашихъ предковъ ту весьма *характерную особенность*, что для его устроенія требовались особыя лица, называемыя „сватами“ и „свахами“. Въ большинствѣ случаевъ сами родители находили сватовъ и свахъ, давали имъ разрѣшеніе на начатіе дѣла сватовства и устроенія брака. Сва-

---

[59]) „Житіе и погубленіе Бориса и Глѣба“, стр. 11--12 (рукоп. въ библіотекѣ Моск. дух. акад., № 4102). П. С. Р. Л., т. I. стр. 135, г. 6652; с. 170, г. 6695; с. 180, г. 6713; с. 184, г. 6719; с. 193, г. 6738, т. II, стр. 9, г. 6630; с. 19, г. 6651; с. 39, г. 6656; с. 87 г. 6668; с. 92, г. 6671; с. 94, г. 6675; с. 121, г. 6686; с. 216, г. 6795 и пр.; Печатная Кормчая XVII в., кн. 6-я, гл. 50, листъ 138 изъ Библіотеки А. В. Горскаго, № 3037).

[60]) П. С. Р. Л., т. II-й, стр. 79, г. 6663.

таться молодому человѣку самому считалось неприличнымъ. Устроеніе брака при помощи сватовъ и свахъ было естественнымъ и общимъ явленіемъ во всѣхъ классахъ древле-русскаго общества. Обычно, по порученію родителей жениха или по его собственному, сватали невѣсту сваты или свахи. Эти лица отправлялись въ домъ родителей или родственниковъ невѣсты, и здѣсь спрашивали у нихъ о желаніи ихъ отдать дѣвицу замужъ. Если родители или родственники изъявляли свое согласіе, то составлялась роспись приданаго, въ которую входило движимое и недвижимое имущество. Эта роспись, по принятому обычаю, передавалась жениху черезъ сватовъ. По большей части невѣста ничего не знала, что происходило между ея родственниками; она, по предписанію обычая, даже не показывалась жениху до сговора. Этотъ обычай имѣлъ мѣсто во всѣхъ классахъ общества. Въ виду строгаго запрещенія видѣть жениху свою невѣсту до сговора, назначались со стороны жениха опытныя женщины, такъ называемыя „смотрѣльщицы“, которымъ родители показывали свою дочь и которыя послѣ осмотра ея и бесѣдъ съ нею сообщали жениху о томъ, пригодна или нѣтъ для него невѣста [61]). Въ простонародьи до сего времени существуетъ обычай, по которому невѣста, прежде заключенія брачнаго договора, подвергается смотринамъ. При отсутствіи близкаго, непосредственнаго знакомства жениха и невѣсты, конечно, не было, или, лучше, было весьма мало мѣста взаимному согласію и влеченію. Часто главными интересами при заключеніи брака были интересы чисто матеріальные—богатство, положеніе и пр.

Что касается собственно быта княжескаго, то въ древней Руси нельзя не отмѣтить одной особенности, касающейся избранія князьями себѣ женъ. Русскіе князья избирали себѣ женъ преимущественно изъ княжескихъ и другихъ знатныхъ домовъ, причемъ, до великаго князя Василія Іоанновича, было въ обычаѣ брать женъ изъ разныхъ націй. У вел. кн. Владиміра, какъ извѣстно, передъ принятіемъ христіанства было нѣсколько женъ и притомъ разныхъ національностей. Со времени же вел. кн. Василія Іоанновича обычай этотъ избранія женъ среди княжескаго рода измѣнился. Съ этого времени и до конца XVII в. князья русскіе и государи Московскіе избирали себѣ невѣстъ изъ своихъ подданныхъ. Для избранія

---

[61]) *Котошихина*: „О Россіи въ царствованіе Алексія Михайловича“, стр. 120.

Государю невѣсты, по царскому указу, къ назначенному сроку собирались въ Москву взрослыя дочери служилаго люда, знатныхъ и незнатныхъ дворянъ. При избраніи себѣ невѣсты Государь обращалъ вниманіе на ея личныя качества, придавая весьма мало значенія знатности происхожденія. Самый выборъ невѣсты обозначался Государемъ врученіемъ платка той дѣвицѣ, которая болѣе всѣхъ ему нравилась. Съ соблюденіемъ подобнаго обычая состоялся, напр., въ 1547 г. выборъ супруги Іоанна Грознаго Анастасіи, дочери боярина Романа Юрьевича Захарьина-Кошкина. Такимъ точно образомъ происходилъ выборъ царскихъ невѣстъ въ Византіи. Тамъ, какъ и у насъ, дѣлалось распоряженіе о собраніи къ извѣстному сроку дѣвицъ брачнаго возраста, причемъ, правителямъ провинціи посылались подробныя инструкціи, въ которыхъ указывались ростъ и другія, требуемыя отъ невѣсты, качества. Обстановка, среди которой происходилъ выборъ, была такова. Въ назначенное время Императоръ, сопровождаемый однимъ царедворцемъ, осматривалъ невѣстъ, одаривая при этомъ каждую изъ красавицъ платкомъ, шитымъ золотомъ съ драгоцѣнными камнями. Избиралась та, которая болѣе другихъ была красива и вообще по своимъ личнымъ качествамъ болѣе всѣхъ другихъ нравилась Государю. Когда, наконецъ, выборъ невѣсты состоялся, то подруги избранной отсылались обратно, причемъ ихъ награждали разнаго рода подарками [62]).

Указавши на столь любопытный и оригинальный способъ избранія невѣстъ царскихъ въ Византіи и у насъ въ древней Руси, мы возвратимся къ указанному нами выше обычаю устроенія брака при помощи сватовъ и свахъ.

Обычай устроенія брака при посредствѣ сватовъ и свахъ является однимъ изъ древнихъ у насъ обычаевъ. Какъ нами уже сказано, обычай этотъ имѣлъ мѣсто во всѣхъ классахъ, не исключая и княжескаго. Весьма ясныя указанія на это находимъ въ нашихъ лѣтописяхъ. Еще при сватовствѣ древлянскаго князя Мала за княгиню Ольгу являлись отъ древлянъ сваты, которые назывались „людьми добрыми“, „гостями добрыми“ [63]). Сваты пользовались большимъ уваженіемъ и почетомъ: имъ давали большіе подарки, они занимали почетное

---

[62]) „Іоаннъ Грозный и Россія XVI в.“ Статья *В. Тимощука* въ журн. „Русская Старина“ за 1904 г., Авг., стр. 410.

[63]) *Забѣлинъ*: „Исторія русской жизни съ древнѣйшихъ временъ“, М. 1879 г., ч. 2-я стр. 171.

мѣсто среди поѣзжанъ и на свадебномъ пиру. Лѣтопись говоритъ намъ о томъ, какъ въ старину относились къ сватамъ и какимъ они пользовались уваженіемъ. Описывая свадьбу Верхуславы, дочери великаго князя Всеволода III-го, съ Ростиславомъ, сыномъ Рюрика, княжившаго въ Бѣлгородѣ, лѣтописецъ говоритъ, что „князь Рюрикъ сыгралъ сыну своему Ростиславу свадьбу богатую, какой не бывало на Руси“ и что „Якова—свата и бояръ отпустилъ къ Всеволоду въ Суздаль съ великою честію, одаривши ихъ богато“ [64]).

Для удачнаго сватовства и счастливаго брака, по мнѣнію древне-русскаго человѣка, важно было найдти хорошаго свата или сваху. Эти люди ладили свадьбы, являлись устроителями браковъ. Еще до сихъ поръ въ нашемъ народѣ живетъ поговорка: „не выбирай, женихъ, невѣсты, выбери сваху“. Сватъ и свахи выбирались, обычно, изъ людей женатыхъ и замужнихъ; холостыхъ сватами не посылали. Какъ сватъ, такъ и сваха являются всегда расторопными, умѣющими красно и завлекательно говорить. Въ одной былинѣ съ такими чертами рисуется сватъ князя Владиміра, по имени Дунай Ивановичъ. „Говорить гораздъ—ужъ кому, какъ не ему бѣ и посвататься“..... Въ Малороссіи сваты называются людьми „дрюкованными“, „балакучими“, т. е. красно, завлекательно говорящими. Въ Малороссіи большею частію сватаютъ невѣсту, по порученію жениха или его родителей, при помощи свата, тогда какъ въ Великороссіи это дѣло исполняетъ сваха. Ловкость, обходительность съ людьми, умѣнье завлечь ихъ своими рѣчами—вотъ необходимыя черты, въ которыхъ представляется, обычно, сваха. Свою характеристику свахи народъ выразилъ въ наглядной и ясной формѣ: „на свашенькиныхъ рѣчахъ,—говоритъ народная поговорка,—какъ на саняхъ,—хоть садись, да катись“. Часто, желая восхвалить достоинства жениха и невѣсты, сваха допускала въ своихъ рѣчахъ, разговорахъ преувеличенія, говорила много лишняго, хвалила нерѣдко то, что не достойно и не требуетъ похвалы, обѣляла, какъ говорится, черное. И это хорошо отмѣчено народомъ въ разныхъ поговоркахъ. Такъ, про сваху говорятъ, что она „чужіе грѣхи на душу принимаетъ“,—„за чужую душу божится“.

Передъ началомъ сватовства у нашихъ предковъ сваха нерѣдко прибѣгала къ суевѣрнымъ дѣйствіямъ. Такъ, напр., она

---

[64]) П. С. Р. Л., т. II, стр. 186.

подходила къ печи и грѣла руки у нарочно разведеннаго огня. Это дѣйствіе имѣло свое значеніе: оно служило, по представленію народа, залогомъ успѣха въ сватовствѣ [65]). Употреблялись и доселѣ употребляются свахами разные виды гаданія. Укажемъ здѣсь на одинъ.—Являясь, напр., съ предложеніемъ къ родителямъ невѣсты, сваха садится на лавку такимъ образомъ, чтобы половица изъ-подъ ея ногъ направлялась прямо къ двери. Это могло означать оставленіе невѣстой родительскаго дома, скорый ея выходъ замужъ [66]).

Свахи, эти устроительницы браковъ, существовали во всѣхъ мѣстахъ Руси, но особенно ихъ было много въ Москвѣ. Здѣсь въ старину онѣ представляли какъ бы цѣлое сословіе. Къ помощи свахъ особенно часто прибѣгали матери перезрѣлыхъ дочерей. Кто хотѣлъ жениться, тотъ могъ прямо обращаться къ свахамъ: имъ сообщали заранѣе родители лѣта невѣстъ, опись приданаго и брачныя условія. Свахи же уговаривались и съ родителями жениха [67]).

Какъ устроительница свадьбы, сваха считалась необходимымъ свадебнымъ чиномъ, занимавшимъ почетное мѣсто среди поѣзжанъ, свиты жениха и невѣсты. Въ свадебныхъ церемоніяхъ она играла видную роль. Такъ, она причесывала новобрачнымъ головы, кормила новобрачныхъ курицею, когда приходили они въ спальню, осыпала ихъ въ спальнѣ и церкви хмѣлемъ и житомъ въ знакъ внѣшняго благополучія и плодородія въ супружеской жизни. Въ древнихъ служебникахъ сваха носитъ названіе „кумы“ или „вѣнчальной матери“.

Насколько важное значеніе имѣли у нашихъ предковъ сваты и свахи при устроеніи брачныхъ союзовъ, показываетъ уже то, что и до сего времени они не потеряли совсѣмъ своего значенія, особенно же среди простого народа, у котораго рѣдкая свадьба устрояется безъ участія и помощи свата или свахи. Этотъ обычай, издавна существовавшій среди русскаго народа, какъ видѣли, имѣлъ ту дурную сторону, что при немъ часто подавлялись собственное желаніе и воля брачущихся. Дѣло вели сваты и свахи, причемъ, брачущіеся часто не знали хорошо другъ друга, не имѣли другъ къ другу ни влеченія, ни любви. Больше горя, при существованіи обычая

---

[65]) *Коринѳскаго.* „Народная Русь“, стр. 437—438.
[66]) *Н. Степанова:* „Народные праздники на Святой Руси“, стр. 87.
[67]) Ч. И. О. И. и Древн. Р. 1903 г. кн. 3-я, стр. 84—85.

устраивать бракъ при помощи сватовъ и свахъ, конечно, ложилось на долю дѣвушекъ, которыхъ родители старались во чтобы то ни стало пристроить замужъ. Нѣжное, любящее сердце дѣвушки искало любви, семейнаго счастія, мира, оно стремилось къ тому, чтобы найдти для себя другое сердце, которое бы билось съ нимъ въ унисонъ. Но всѣ эти мечты и стремленія часто окончательно разбивались. Родители выдавали свою дочь за человѣка, къ которому она не чувствовала никакой любви. Этимъ объясняются многіе печальные факты изъ супружеской жизни, имѣвшіе мѣсто въ древне-русскомъ обществѣ. Бывали случаи, когда жены изъ-за ненависти отравляли своихъ мужей. Въ свою очередь, женщины подвергались за такія дѣянія свои большимъ наказаніямъ. Для женщины, отравившей своего мужа, предусмотрѣно было закономъ ужасное наказаніе. Ученые изслѣдователи семейныхъ и общественныхъ правовъ на Руси въ XVI в. указываютъ, что такую женщину для мученія закапывали по шею въ землю. Нѣкоторыя женщины, виновныя въ указанномъ злодѣяніи, желая избѣжать страшной участи, постригались въ монахини. Однако, имъ и въ этомъ случаѣ жилось не легко: онѣ, постригшись въ монахини, обязаны были жить въ отдѣльной кельѣ и носить кандалы [68]). Ничѣмъ инымъ, какъ гнетомъ родительской власти объясняется и то, напр., явленіе, что часто, особенно во второй половинѣ XVIII в., молодыя дѣвушки совершали съ любимымъ человѣкомъ романическіе побѣги изъ родительскаго дома, желая тѣмъ скорѣе освободиться отъ гнета родительской воли. Семейный деспотизмъ родителей объясняетъ намъ отчасти тѣ скорбныя и грустныя чувства дѣвушки при выходѣ ея замужъ, которыми полны народныя свадебныя пѣсни. Конечно, положеніе женщины въ древней Руси не вездѣ было одинаково. Въ сравнительно лучшихъ условіяхъ жила женщина южно-русская. Послѣдняя не подвергалась такой личной и матеріальной зависимости, какъ женщина сѣверо-восточной Руси. Въ юго-западной Руси, при заключеніи брачныхъ союзовъ, согласіе и воля невѣсты считались необходимымъ условіемъ, хотя при этомъ выборъ и воля невѣсты не должны были находиться въ противорѣчіи съ волей и желаніемъ родителей. Такъ было въ юго-западной Руси въ прошлые вѣка вообще, а въ особенности въ XVI—XVII в.в. [69]).

---

[68]) Журн. „Русская Старина“ за 1904 г. Авг. стр. 394—395.
[69]) Тамъ же, 1880 г. Ноябрь, стр. 552—553.

Указанное нами у нашихъ предковъ господство авторитета и власти родителей въ распоряженіи судьбою ихъ дѣтей обусловливалось, главнымъ образомъ, родовымъ бытомъ, при которомъ власть старшаго въ семьѣ считалась священною и неприкосновенною. Но нельзя здѣсь не видѣть и вліянія грекоримскихъ законовъ,—вліянія, сказавшагося особенно по принятіи русскими христіанства изъ Византіи. Въ Византіи власть родителей, и именно отца, въ брачныхъ союзахъ своихъ дѣтей была очень велика [70]). Это явленіе нашло для себя отраженіе въ Византіи и въ церковной практикѣ, откуда перешло и къ намъ: у насъ, какъ и въ Византіи, до самаго XVII в. не было въ чинѣ церковнаго вѣнчанія вопросовъ брачущимся о ихъ „благомъ и непринужденномъ произволеніи вступить въ бракъ“ [71]). Эти вопросы встрѣчаются въ требникахъ XVII в., хотя не во всѣхъ [72]). Изъ потребниковъ и XVII в. можно находить такіе, въ которыхъ нѣтъ вопросовъ брачущимся о ихъ взаимномъ согласіи на бракъ. Такъ, ихъ нѣтъ въ потребникѣ 1623 г., нѣтъ вообще въ потребникахъ, напечатанныхъ при патріархахъ Филаретѣ и Іосифѣ [73]).

На такъ называемые „принужденные браки“, совершавшіеся или по страху отъ родителей, или по принужденію отъ господъ, безъ согласія брачущихся, было впослѣдствіи обращено у насъ вниманіе Петра Великаго. 5 Января 1724 г. имъ изданъ былъ указъ, которымъ повелѣвалось „учинить во всемъ Россійскомъ государствѣ такое запрещеніе, дабы отнынѣ родители дѣтей и всякаго званія люди рабовъ своихъ и рабынь къ брачному сочетанію, безъ самопроизвольнаго ихъ желанія, отнюдь не принуждали и не брачили, подъ опасеніемъ тяжкаго штрафованія; а понеже много случается, что и неволею сочетаемые не дерзаютъ во время брака смѣло спорить и принужденіе объявлять одни за стыдъ, а другіе за страхъ, что

---

[70]) *Дубакина*: „Вліяніе христіанства на семейный бытъ русскаго общества въ періодъ до времени появленія Домостроя“, стр. 25.

[71]) Тамъ же, стр. 26.

[72]) Требникъ 1646 г., листъ 81 (изъ Библіотеки Высокопреосв. Саввы, № 971,—въ Моск. Дух. Акад.); Требникъ 1681 г., л. 149 об. (изъ Биб—ки. Моск. Дух. Акад., № 7/438); срав. рукоп. требникъ XV в. (изъ Биб—ки К. И. Невоструева, № 2,—въ Моск. Дух. Акад.)

[73]) См. въ „Хр. Чт.“ за 1857 г. (№№ 8—11). Описаніе хранящихся въ Император. Публичн. Библіотекѣ старопечатныхъ книгъ 1564—1640 г.г.

уже послѣ является отъ несогласнаго тѣхъ неволею сочетанныхъ житія; того ради.... прежде вѣнчанія брачныхъ приводить родителей ихъ къ присягѣ въ томъ, что одни не неволею-ль женятъ сына, а другіе не неволею-ль замужъ дочь даютъ, также и господа съ рабами не такъ-ли поступаютъ“ [74]). Указомъ Петра В. въ значительной степени ограничивался произволъ и родителей въ распоряженіи судьбою своихъ дѣтей и господъ въ распоряженіи судьбою своихъ рабовъ, подчиненныхъ. Насколько изданный Государемъ указъ имѣлъ силу, видно изъ того, что родители, напр., во избѣжаніе какого-либо подозрѣнія въ насиліи воли и желанія своихъ дѣтей, отказывались даже присутствовать при совершеніи ихъ браковѣнчанія. Здѣсь, можно думать, беретъ свое начало замѣчаемое и въ наше время явленіе—непосѣщеніе родителями церкви во время совершенія браковѣнчанія ихъ дѣтей. Это отсутствіе, вначалѣ намѣренное, сдѣлалось потомъ привычнымъ, вошло въ обычай.

Что браки устраивались у насъ въ древней Руси по большей части родителями жениха и невѣсты, видно изъ того, что нерѣдко брачущіеся имѣли очень малый, почти дѣтскій возрастъ. Въ этомъ нельзя не видѣть отчасти вліянія византійскихъ законовъ. Греко-римскіе законы, требуя при вступленіи въ бракъ для мужчины болѣе 14 лѣтъ, а для женщины болѣе 12 лѣтъ, допускали исключенія: мужчинѣ можно было имѣть 7 лѣтъ, а женщинѣ менѣе 12 лѣтъ. Эти правила у насъ нашли примѣненіе въ смыслѣ юридическаго обычая, преимущественно у князей [75]). Памятники наши показываютъ, что у насъ невѣсты имѣли иногда 8, а женщины 10 и 11 лѣтъ [76]). Обычай жениться и выходить замужъ въ слишкомъ молодомъ возрастѣ осуждался у насъ и пастырями и церковными законами. Тѣ и другіе требовали, чтобы не женились и не выходили замужъ очень молодыхъ лѣтъ [77]).

---

[74]) Журн. „Воскресный День“. 1898 г., № 27, стр. 324.

[75]) См. цитир. выше *Дубакина*: „Вліяніе христіанства на семейный бытъ рус. общества“.... стр. 26—27.

[76]) П. С. Р. Л., т. II., стр. 136; *Терещенко*: „Бытъ русскаго народа“, т. II, стр. 37; *Дубакина*: „Вліяніе христіанства“... стр. 27 прим. 5-е. *Е. Голубинскаго*: „Исторія рус. церкви“, т. I, 2-я половина, стр. 390.

[77]) а) Поученіе Петра, Митроп. Кіевскаго (изъ рукоп. XV в.): „дѣвицы бы не вѣнчали меньше 12 лѣтъ, но вѣнчайте 13“ (Памятн. старинной рус. литературы, вып. IV, стр. 187).

Изъ лѣтописей мы видимъ, что при свадьбахъ употреблялось приданое, которое, однако, со времени принятія нашими предками христіанства, получило нѣсколько иной характеръ, что обусловливалось, безъ сомнѣнія, вліяніемъ христіанства и дѣйствіемъ греко-римскихъ законовъ. Приданое, издавна употреблявшееся у нашихъ предковъ, какъ принадлежность ихъ браковъ, заключало въ себѣ имущество, какъ движимое, такъ и недвижимое, смотря по желанію и расположенію дающихъ. Недвижимое имущество въ качествѣ приданаго по образцу византійскихъ обычаевъ и узаконеній стало у насъ употребляться въ княжеской средѣ. Это видимъ изъ описанія у лѣтописца свадьбы Верхуславы, дочери Всеволода Юрьевича, съ Ростиславомъ Рюриковичемъ. Лѣтописецъ замѣчаетъ про Рюрика: „сносѣ же своей далъ многи дары и городъ Брагинъ“ [78]). Съ теченіемъ времени, въ виду болѣе прочнаго обезпеченія женщины, по выходѣ ея замужъ, забота о приданомъ пріобрѣла особое значеніе и, какъ увидимъ ниже, обычай требовалъ готовить приданое, или, какъ оно называлось, „падѣлокъ“ для дочери со дня ея рожденія. Съ первой половины XVI в. существовали такъ называемыя „рядныя записи“, посредствомъ которыхъ совершалось назначеніе приданаго.

Самая свадьба и свадебный пиръ, издавна отличались особенною торжественностью. На свадьбѣ обычно присутствовало много родныхъ, друзей и знакомыхъ, составлялся большой поѣздъ за невѣстой въ домъ ея родителей, а также изъ дома въ церковь. Изъ лицъ, имѣвшихъ весьма важное значеніе въ древней Руси при свадьбахъ, были, какъ мы уже видѣли, сваты и свахи. Имъ давались большіе подарки, они пользовались почетомъ и уваженіемъ не только у жениха и невѣсты, у молодыхъ, а и у всѣхъ гостей. Въ качествѣ уго-

---

б) Посланіе митр. Фотія въ Новгородъ 1410 г., Авг. 29: „дѣвокъ меньше 12 л. не вѣнчать“. Русская Истор. Биб—ка, т. VI, стр. 275.

в) Соловецкая Кормчая XV в. (1493 г.): „сыновей женить 15 л., дочерей выдавать 12 л. (листъ 428 обор.).

г) Стоглавъ XVI в. (1551 г.)—Отрокъ 15 л., отроковица 12 л. (Глава 18, л. 78).

д) Домострой XVI в., стр 72—73, (см. изд. Попова въ „4 т. И. О. И. и др. Рос.“ 1881 г., Апрѣль—Іюнь).

е) Печатная Кормчая XVII в., гл. 50, л. 138 обор.—юноша 15 л., дѣвица—12 л.

[78]) П. С. Р. Л., т. II, стр. 136.

щеній на древне-русской свадьбѣ употреблялись меды [79]), вино [80]), каша [81]). Весьма любопытно указать здѣсь на древній обычай употреблять при свадьбахъ большихъ размѣровъ пряники, приготовленные на меду, съ изображеніемъ райскаго дерева, птицы сирина, двуглавыхъ и другихъ животныхъ Обычай употребленія подобныхъ пряниковъ весьма древній на Руси; ихъ пекли еще сѣверные славяне до принятія христіанства. Въ христіанское время ихъ изготовляли и подносили, кромѣ свадебъ, въ прощеное воскресенье, въ день ангела, на крестины. Въ богатой и весьма интересной для нашей бытовой исторіи коллекціи Г. Наталіи Леонидовны Шабельской († 7 Янв. 1904 г.), бывшей одной изъ первыхъ и неутомимыхъ собирательницъ древнихъ художественныхъ бытовыхъ предметовъ, сохранились тѣ самыя деревянныя формы, въ которыхъ въ старину изготовлялись указанные нами пряники. Для археолога-этнографа представляется возможность въ указанной коллекціи прослѣдить развитіе существовшаго у насъ любопытнаго производства и видѣть постепенное усовершенствованіе формъ. [82]) Не входя здѣсь, за краткостью очерка нашего, въ подробное изслѣдованіе указаннаго производства, мы отмѣтимъ только, что обычай употребленія на свадьбахъ особыхъ пряниковъ съ изображеніемъ райскаго дерева, птицъ и животныхъ не исчезъ окончательно изъ быта русскаго народа. Правда, насколько намъ извѣстно, изслѣдователи свадебныхъ обрядовъ и обычаевъ у нашего народа не упоминаютъ о существованіи у него въ настоящее время указаннаго обычая—употребленія большихъ пряниковъ; однако, подобное этому обычаю можно находить доселѣ на свадьбахъ нашихъ крестьянъ. Такъ, напр., нами замѣчены остатки указаннаго древняго языческаго обычая въ Тульской губерніи. Еще доселѣ въ Веневскомъ уѣздѣ, въ селѣ Медвѣдкахъ и сосѣднихъ съ нимъ селахъ, существуетъ среди крестьянъ обычай приготовлять большихъ размѣровъ лепешки съ изображеніемъ птицъ, деревьевъ и разныхъ фигуръ. Птицы и другія фигуры такъ устраиваются на лепешкахъ, что легко можно ихъ отдѣлить. Обычно, птицы и различнаго рода фи-

---

[79]) Тамъ же, т. II, стр. 243; т. I, стр. 220.
[80]) Тамъ же, т. II, стр. 19, 243.
[81]) *Терещенко*: „Бытъ рус. народа“, т. II, стр. 32; *Сахарова*: „Сказанія рус. народа“, т. II, стр. 22.
[82]) См. „Курьеръ“ за 1904 г., № 13.

гуры, изображаемыя на лепешкахъ, покупаются присутствующими на свадьбѣ гостями, которые, купивши ихъ, дарятъ ими невѣсту. Лепешки эти носятъ особое названіе—„пичужки“, и, какъ видно, представляютъ собою большое сходство съ употреблявшимися на свадьбахъ въ древней Руси большихъ размѣровъ пряниками съ изображеніемъ дерева, птицы и животныхъ. Ясно, такимъ образомъ, видно, насколько крѣпко сохраняются въ быту народа различные обычаи, имѣющіе свой корень въ глубокой древности, еще въ эпоху язычества на Руси.

Кромѣ угощеній, нами здѣсь указанныхъ, на древне-русской свадьбѣ были и различныя увесселенія, забавы, которыя способенъ былъ тогда выработать русскій народъ. Такъ, существовали на свадьбахъ пляски [83]), игры въ трубы [84]) и гусли [85]). Какъ можно видѣть изъ лѣтописи, было на свадьбахъ въ числѣ увеселеній и пѣніе [86]). Любопытно, что наряду съ пѣснями, стихами бытового характера, распѣвавшимися нашими предками на свадьбахъ, встрѣчались иногда церковныя пѣсни и духовные стихи [87]). Занимательный случай представляетъ пѣніе Іоанна Васильевича Грознаго на свадьбѣ Маріи Владиміровны съ королемъ Магнусомъ. Среди общей радости развеселился царь Іоаннъ Васильевичъ. Когда другіе плясали, онъ собралъ маленькихъ послушниковъ и сталъ съ ними пѣть символъ Аѳанасія Великаго. Пѣлъ онъ быстро, его пѣвцы не успѣвали за нимъ и сбивались. Грозный за это билъ ихъ до крови тяжелымъ посохомъ, которымъ регентствовалъ [88]).

Въ числѣ бытовыхъ чертъ, рисующихъ намъ обстановку древне-русской свадьбы, находится одна, весьма любопытная и относящаяся къ весьма отдаленной эпохѣ жизни нашихъ предковъ. Это—ношеніе жениха и невѣсты на бракъ въ лодкахъ (ладьяхъ), замѣнявшихъ собою иногда у славянъ сухопутную колесницу или носильный чертогъ. Указаніе на это

---

[83]) См. „Памятники старинной рус. литературы“, изд. *Кушелева-Безбородко*. СПБ. 1860 г., вып. 2-й, стр. 453—454.

[84]) См. *Котошихина*: „О Россіи“.... стр. 11.

[85]) *Олеарія*: „Подробное описаніе путешествія Гольштинскаго посольства въ Московію и Персію въ 1636 и 1639 гг.“, стр. 209.

[86]) П. С. Р. Л., т. II, стр. 257; т. I, стр. 105.

[87]) *Терещенко*: „Бытъ рус. народа“, т. II, стр. 53.

[88]) См. журн. „Русскій Вѣстникъ“, 1884 г., № 7, стр. 166.

можно находить въ разсказѣ о сватовствѣ древлянскаго князя Мала за княжну Ольгу. Лодки, какъ и сани, употреблялись у славянъ въ качествѣ почетныхъ носилокъ. Такъ какъ наши предки селились большею частію около рѣкъ и озеръ, проводили жизнь свою на рѣкахъ, разъѣзжая въ лодкахъ, то, естественно, лодка пріобрѣла въ ихъ быту особенно важное значеніе и могла, въ необходимыхъ случаяхъ, замѣнять сухопутную колесницу [89]).

У древнихъ славянъ существовалъ до и нѣкоторое время послѣ принятія христіанства еще любопытный обычай. Это обычай величанія на бракахъ бога женитьбы и веселія. [90]) Этотъ богъ, носившій названіе Лады или Лада, являлся покровителемъ брака и любви. Лѣтописецъ говоритъ, что этому богу „жертвы приношаху хотящіи жинитися, дабы его помощію бракъ добрый и любовный былъ". А въ Кіевскомъ Синопсисѣ Иннокентія Гизеля (1674 г.), представляющемъ первый печатный сводъ историческихъ свѣдѣній о русскомъ народѣ, находится указаніе, что „готовящіеся къ браку, помощію его (бога Лада) мнятъ себѣ добро веселіе и любезно житіе стяжати... Ладу поюще: Ладо Ладо! и того идола ветхую прелесть діавольскую на брачныхъ веселіяхъ, руками плещуще и о столъ біюще, воспѣваютъ". Согласіе и ладъ въ семейной жизни у нашихъ предковъ—язычниковъ приписывался Ладу или Ладѣ. Отъ имени этого бога производились извѣстныя слова: *ладить*, *ладно*, *ладъ*, означающія союзъ, дружбу, любовь.

Есть древнее указаніе на употребленіе у нашихъ предковъ въ качествѣ жертвы, приношенія богамъ короваевъ, которые впослѣдствіи составляли необходимую принадлежность свадебнаго торжества и употреблялись дома и во время церковнаго вѣнчанія. На коровай находимъ указаніе отъ XIII в. въ Словѣ нѣкоего христолюбца. Обличая различные языческіе обычаи народа, онъ, между прочимъ, замѣчалъ и о томъ, что люди „богамъ и богинямъ короваи ломятъ" [91]). Такимъ образомъ, свадебные короваи существовали давно, только они

---

[89]) См *И. Забѣлина*: „Исторія русск. жизни съ древнѣйшихъ временъ", ч. 2-я М. 1879 г., стр. 173, 177—178.

[90]) П. С. Р. Л., т. II, стр. 257.

[91]) Журн. Министр. Народ. Просвѣщенія, ч. CCXCIX (1895 г.), стр. 329; срав. *Сумцова*: „Религіозно-миѳич. значеніе малорусской свадьбы", стр. 12—13.

прежде имѣли значеніе требъ, жертвъ богамъ. Въ свадебномъ обиходѣ нашихъ предковъ коровай имѣлъ весьма важное значеніе. Особенно важное значеніе придавали короваямъ малороссы и бѣлоруссы. У нихъ до сихъ поръ коровай играетъ на свадьбахъ роль священнаго хлѣба, который заранѣе и особымъ образомъ приготовляется въ обѣихъ семьяхъ—невѣстиной и жениховой [92]). Интересно отмѣтить здѣсь обычай, сохранявшійся прежде на Дону, но въ настоящее время почти забытый. Это—обычай сажанія коровая въ печь. Занимательна обстановка, при которой совершалось сажаніе. Всѣ находящіеся въ домѣ, въ то время, когда сажаютъ коровай въ печь, держатся за лопату, причемъ, свахи освѣщаютъ печь свѣчами, обвитыми лентами; свѣчи эти, обычно, вручаются жениху и невѣстѣ при браковѣнчаніи. Приготовленіе каровая, его печеніе происходятъ наканунѣ вѣнчанія. Въ самый же день вѣнчанія коровай у невѣсты и жениха ставится на особо притовленномъ столѣ. Женихъ и невѣста должны приложиться лицомъ къ нему и поплакать, послѣ чего родители благословляютъ жениха и невѣсту, имѣющихъ отбыть въ церковь для вѣнчанія. Передъ самымъ же отъѣздомъ въ церковь жениха и невѣсту обводятъ трижды кругомъ стола, на которомъ лежитъ коровай; они цѣлуютъ свои короваи, затѣмъ берутъ ихъ въ руки и выходятъ изъ хаты. Въ церкви короваи кладутся на аналоѣ. Послѣ вѣнчанія, во время пира, коровай дѣлится на части; сначала имъ угощаются молодые, а затѣмъ родственники и прочіе гости [93]). У русскаго народа въ его пѣсняхъ можно встрѣтить кораваю ве-

---

[92]) Въ свадебной пѣснѣ, въ настоящее время распѣваемой въ нѣкоторыхъ селахъ Бѣльскаго у., Сѣдлецкой г., вотъ что, напр., говорится:

„Ой, кораваю, кораваю!
Мнуого на тэбэ кошту треба:
Корэць мучици пшеничной,
Цэбэръ водици крыничной,
Пувкопы яець одъ молодыхъ куріей,
Фасу масла одъ яловыхъ коровъ". (См. Матеріалы для этнографіи Сѣдлецкой губ. Въ „Сборникѣ Отдѣленія рус. языка и словесности Императ. Академіи Наукъ", т. 75-й, СПБ, 1904 г.)

[93]) Цитир. выше *С. Максимова*: „Крылатыя слова", страница 413—418.

личанія, исполненныя глубокаго чувства, любовнаго расположенія. Въ одной свадебной пѣснѣ, напр., поется:

„Свѣти, свѣти, мѣсяцъ, нашему короваю.
Проглянь, проглянь, солнце, нашему короваю!
Вы, добрые люди, посмотрите,
Вы нашего коровая отвѣдайте,
Вы, князь съ княгиней, покушайте“ [94]).

Значеніе у древне-русскаго человѣка въ свадебныхъ торжествахъ коровая для насъ будетъ понятно, если мы вникнемъ нѣсколько въ бытъ его и миѳическія воззрѣнія на природу. Наши предки были по преимуществу земледѣльцами. Еще въ отдаленную эпоху своей жизни они смотрѣли на хлѣбъ, какъ на даръ неба и земли, которыя представлялись ихъ уму могущественною четою, надѣленною божественными свойствами. Въ произведеніи и обиліи хлѣба сказывалась любовь къ народу со стороны божествъ неба и земли. Короваи жениха и невѣсты, напоминая имъ о любви и расположеніи къ человѣку божествъ природы, могли также въ переносномъ смыслѣ указывать и на ихъ собственную любовь и благорасположеніе, символизировать изобиліе ихъ жизненныхъ благъ и плодородіе въ супружеской жизни. Эту послѣднюю мысль оттѣняетъ и то обстоятельство, что при короваѣ приставляется мальчикъ, который и долженъ его рѣзать.....

Женихъ и невѣста въ свадебныхъ пѣсняхъ и хороводныхъ играхъ, обычно, называются „княземъ“ и „княгинею“. Это названіе древнее: оно означаетъ чисто родовое понятіе, служитъ отраженіемъ родового быта, такъ какъ молодые, вступая въ бракъ, становятся хозяевами, начальниками имѣющаго произойти отъ нихъ рода [95]). Самая свадьба въ народныхъ пѣсняхъ нерѣдко называется „княжьимъ пиромъ“, „княженецкимъ столомъ“. У народа немало существуетъ присказовъ—причетовъ, пріуроченныхъ къ свадебному веселому пиру; въ нихъ женихъ называется „княземъ“, а невѣста—„княгинею“. Въ верхнемъ Поволжьи существуетъ такой, напр., причетъ—присказъ:

„Цвѣтки зацвѣтали,
Поднебесныя пташки распѣвали,
Новобрачнаго князя увеселяли:

---

[94]) *Коринѳскаго*: „Народная Русь“, стр. 24.

[95]) „Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній“.... кн. I, стр. 17; „Журн. Мин. Народ. Просвѣщенія“, ч. CCXCIX, стр. 326.

Ѣдетъ-де нашъ новобрачный князь
По свою новобрачну княгинюшку,
Сужену взять,
Ряжену взять —
По Божьему велѣнью,
По царскому уложенью"!... [96]).

Имѣя въ виду указать, по возможности, всѣ болѣе или менѣе важные обычаи, существовавшіе въ свадебномъ обиходѣ нашихъ предковъ, мы, кромѣ указанныхъ досель, остановимся на нѣкоторыхъ, имѣющихъ отношеніе собственно къ церковному чину вѣнчанія и къ лицамъ, которыя его совершали въ древней Руси.—Что касается до лицъ, вѣнчавшихъ свадьбы, то здѣсь нужно отмѣтить существовавшій въ древней Руси обычай вѣнчать людей, и монашествующимъ священнослужителямъ, какъ это дѣлается у Грековъ. [97]) Обычай этотъ въ концѣ XIV в. вызвалъ обличеніе и такое запрещеніе со стороны митрополита Кипріана: „не достоитъ игумену или черпецу попу вѣнчевати, мірскихъ бо поповъ есть тое дѣло, а не чернеческое". [98]) Вѣнчать, равнымъ образомъ, крестить считалось у насъ неприличнымъ для монашествующихъ священнослужителей. Если же это и дозволяется, то лишь нѣкоторымъ, въ видѣ исключенія, именно—іеромонахамъ, состоящимъ во флотѣ или при заграничныхъ миссіяхъ и посольствахъ.

Въ лѣтописи и другихъ памятникахъ находимъ указаніе на существованіе у насъ въ древней Руси замѣчательнаго обычая, относящагося къ вѣнчанію браковъ. Это—обычай *привѣнчиванія* къ родителямъ дѣтей, прижитыхъ до брака, внѣбрачныхъ. Совершалось это такимъ образомъ. Дѣти становились при вѣнчаніи вмѣстѣ съ брачущимися и, такимъ образомъ, привѣнчивались, узаконялись въ глазахъ церкви и христіанскаго общества. Такъ было привѣнчано въ XII в. (1187 г.) дитя Владиміра Игоревича, сына Игоря Святославича Новгородъ-Сѣверскаго. [99]) Раньше указаніе на привѣнчиваніе находимъ въ святительскомъ поученіи Новогородскаго архіепископа Ильи-Іоанна (1166 г.). [100]) Подъ болѣе позд-

---

[96]) *Коринѳскаго*: „Народная Русь", стр. 436.

[97]) П. С. Р. Л., т. I, стр. 202; т. II, стр. 136 и др.; ср. журн. „Христ. Чт." 1871 г., окт. стр. 538, 543.

[98]) Акты историч. т. I, стр. 477.

[99]) П. С. Р. Л., т. II, стр. 136.

[100]) Неизданный памятникъ русск. церковнаго права XII в. (Журн. Мин. Народ. Просв. 1890 г., Сент.)

ней датой указаніе находимъ въ одномъ сборникѣ, въ которомъ есть такого рода правило: „достоитъ всякому вѣнчатися, аще и дѣти будутъ (рожден ыя до вѣнчанія), да входятъ въ церковь“. [101]) Подобный обычай существовалъ у Сербовъ. Указаніе на него можно находить въ житіи св. Саввы, перваго Сербскаго архіепископа, составленномъ его ученикомъ, монахомъ Домиціаномъ, въ 1264 г. Въ житіи говорится, что Савва, послѣ своего посвященія въ Константинополѣ въ санъ архіепископа (въ 1221 г.), возвратившись въ свое отечество, всѣми средствами старался искоренить среди народа гражданскіе браки, замѣнить ихъ браками церковными, заключаемыми съ благословенія церкви. Для церковнаго освященія супружескихъ союзовъ были разосланы по всей странѣ священники. „Избра, — говоритъ составитель житія св. Саввы, — отъ ученикъ своихъ богоразумніе муже и постави е протопопы и тѣхъ паки посла въ всѣ страны отечества своего недостатки исполняти: елицы бо бѣху се женили человѣцы прочіи по закону но невѣнчанни бѣху яко овцы не имуще пастыря бѣху смѣшенніи, повелѣ же посланымъ сице вѣнчати родъ человѣчески, собирати въ церковь все старце и срѣдовѣчные и младіе муже и жены, и всу детцу елицы бѣху рожданіи отъ нихъ безъ благословенія законнаго, скупчевше ихъ подъ крила родителю своею и тако вѣнчаваху по едипому каждо ихъ яко да буду вси благословени въ имя Господне“... [102]) Ясно, что дѣти, прижитыя въ гражданскомъ бракѣ, безъ законнаго благословенія со стороны церкви, привѣнчивались, становясь при вѣнчаніи вмѣстѣ съ родителями своими („скупчевше ихъ подъ крила родителю своею и тако вѣпчаваху“....) и такимъ образомъ узаконялись передъ церковью и въ глазахъ христіанскаго общества.

Въ древней Руси существовалъ благочестивый обычай причащаться св. Таинъ тѣмъ лицамъ, которыя имѣли вступить въ бракъ. Еще въ XIV в. въ чинѣ вѣнчанія находимъ указаніе на то, что бракосочетавшіеся причащались преждеосвя-

---

[101]) Волоколамская рукопись № 566, л. 114 об.—въ Моск. Дух. Академіи (см. Е. Голубинскаго: „Исторія рус. церкви“, т. I, 2-я полов., стр. 389).

[102]) *Мацеевскаго:* „Исторія первобытной христіанской церкви у Славянъ“ (перев. съ польскаго Ореста Евецкаго). Варшава, 1840 г., стр. 197—198.

щенными св. Дарами. [103]) Обычай этотъ существовалъ и въ XV в. [104]) Но скоро произошло его измѣненіе. Въ одномъ богослужебномъ памятникѣ XV в. сказано, что брачущимся дается „анафора“. [105]) Въ XVI в. измѣненіе пошло дальше. Въ требникахъ этого времени дѣлается замѣчаніе: „аще ли хотятъ причаститися“... [106]) А въ послѣдующее время обычай причащаться совсѣмъ вышелъ изъ употребленія. Такимъ образомъ, древній христіанскій обычай, имѣвшій мѣсто въ Греціи и у насъ на Руси, сначала измѣнился въ своей сущности, сохранивъ только форму (анафора), потомъ сталъ обычаемъ, зависящимъ исключительно отъ желанія брачущихся и, наконецъ, совсѣмъ исчезъ. Причина такого явленія, несомнѣнно, заключалась въ отсутствіи у брачущихся должнаго состоянія для принятія святѣйшаго Таинства. [107])

Что касается чинопослѣдованія таинства брака, то въ древней Руси существовали обычаи, отличающіе теперешній чинъ таинства брака отъ прежняго. Укажемъ на нѣкоторые изъ этихъ обычаевъ. Такъ, существовалъ въ чинѣ обрученія въ въ XIV в. обычай употреблять для жениха золотой перстень, для невѣсты же — желѣзный [108]). И это имѣло свое значеніе. По объясненію А. И. Аѳанасьева, приготовленіе колецъ изъ благороднаго металла означало власть, могущество и свободу; приготовленіе колецъ изъ желѣза, наоборотъ, служило знакомъ покорности и рабства [109]). Конечно, обычай этотъ не былъ всеобщимъ; нерѣдко въ древней Руси упот-

---

[103]) *Н. Одинцова*: „Порядокъ общественнаго и частнаго Богослуженія въ древней Руси до XVI в.“, стр. 163; *Е. Голубинскаго*: „Исторія рус. церкви“, т. I, 2-я полов., стр. 390.

[104]) Рукописный Требникъ XV в., л. 311 (изъ Биб-ки *К. И. Невоструева*, № 2-й); ср. *Одинцова*: „Порядокъ Общ. и част. Богослуженія“.... стр. 275—279.

[105]) *Одинцова*: „Послѣдованіе таинствъ въ церкви русской въ XVI в. по рукописямъ Новгородъ-Софійской и Московской Синодальной библіотекъ“ (см. журн. „Странникъ“, 1880 г., т. III, стр. 53).

[106]) Тамъ же, стр. 53.

[107]) Тамъ же, стр. 53—54.

[108]) *Одинцова*: „Порядокъ общ. и част. Богосл.“.... стр. 162; ср. его-же: „Послѣдованіе таинствъ въ церкви рус. въ XVI в.“... („Странникъ“, 1880 г., т. III, стр. 46).

[109]) *Дмитріевскаго*: „Богослуженіе въ рус. церкви въ XVI в.“, ч. 1-я, стр. 385, прим. 3-е,

реблялись при обрученіи кольца и золотыя безразлично какъ для жениха, такъ и для невѣсты, что особенно можно видѣть въ свадьбахъ князей [110]). Есть указаніе на употребленіе золотыхъ и серебряныхъ колецъ [111]). И, какъ видно изъ требниковъ XIV и XV вв., брачущіеся сами обмѣнивались перстнями, при чемъ не произносилось словъ обрученія: „обручается рабъ Божій“... „обручается раба Божія“ [112])... Вмѣсто колецъ иногда обручались крестами. Этотъ обычай, на который находимъ указаніе въ богослужебныхъ памятникахъ позднѣйшаго времени, именно въ XVI в., внесенъ былъ въ чинъ обрученія вслѣдствіе, вѣроятно, обыкновенія употреблять кресты при обрученіи на дому [113]).

Какъ на особенность древняго чина вѣнчанія, укажемъ здѣсь еще на два обычая: на кажденіе новобрачныхъ и на сокрушеніе „общей чаши“, когда изъ нея бываетъ выпито все вино. Первый обычай, существовавшій въ XV в. въ началѣ чина вѣнчанія [114]), въ слѣдующіе вѣка, вѣроятно, переписчиками былъ перенесенъ и въ чинъ обрученія [115]). Второй обычай—сокрушеніе чаши, которая для этого употреблялась стеклянная, также древній, встрѣчающійся въ XIV и XV вв. [116]). Чашу сокрушалъ иногда священникъ какимъ-либо орудіемъ, иногда кто-либо изъ постороннихъ, впослѣдствіи же это дѣлалъ самъ женихъ. Иногда, какъ можно видѣть, чаша не сокрушалась, но отдавалась на сохраненіе въ алтарь [117]). Съ сокрушеніемъ чаши женихомъ у русскаго народа соединялась мысль о преодолѣніи всѣхъ пре-

---

[110]) „Древняя россійская библіотека“, ч. XIII, 1790 г., стр. 24.

[111]) Требникъ XVII в., л. 77 обор. (Биб—ки Высокопреосвящ. Саввы, № 971 Москов. Дух. Академіи).

[112]) См. Рукоп. Требн. Нев. Биб—ки, № 2, л. 306 об, ср. *Одинцова*: „Поряд. общ. и част. Богосл.“, стр. 162.

[113]) *Одинцова*: „Послѣдованіе таинствъ въ церкви русск. съ XVI в.“... („Странникъ“, 1880 г., т. III, стр. 46); срав. *Дмитріевскаго*: „Богослуж. въ рус. церкви въ XVI в.“, ч. 1, стр. 386.

[114]) Рукописный Требн. Биб—ки Нев. № 2, л. 308.

[115]) Требникъ XVII в. Биб.—ки Саввы, № 971, л. 78 об.

[116]) Требн. Рукоп. Биб—ки Нев. № 2, л. 312; ср. *Одинцова*: „Порядокъ общ. и част. Богосл.“... стр. 163.

[117]) „Странникъ“, 1880 г., т. III, стр. 54—55; Древн. рос. библіотека“ ч. XIII, 1790 г., стр. 24, 42, 164, 206; Домострой, стр. 181 (см. изд. *Попова* въ „чт. въ И. О. И. и др. Рос.“, 1881 г., Апрѣль—Іюнь).

Всесоюзная библіотека имени В. И. Ленина

пятствій и враговъ супружеской и семейной жизни [118]). А по свидѣтельству одного англичанина XVI в., женихъ, бросал чашу на полъ, спѣшилъ поскорѣе наступить на нее, то же дѣлала и невѣста, и кто изъ нихъ первый наступитъ, тотъ и будетъ всегда господиномъ [119]).

Въ заключеніе своего обзора свадебныхъ обычаевъ въ древней Руси за первый періодъ (съ XI—XVI вв.) скажемъ еще объ обычаяхъ въ простонародьи.—Прежде всего, мы видимъ, что въ простомъ народѣ не скоро привилось, по принятіи христіанства, церковное вѣнчаніе: народъ больше тяготѣлъ къ язычеству, къ языческимъ формамъ брака, допуская умычки, хищенія женъ, живя съ двумя и болѣе женами. Мы встрѣчаемъ до самаго XVI в. указанія на удаленіе народа въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отъ вѣнчанія, указанія на „невѣнчальныя жены“ и приказанія нудить народъ къ церковному благословію, вѣнчанію. Какъ народъ смотрѣлъ на церковное вѣнчаніе, это можно видѣть изъ многихъ поученій и посланій русскихъ іерарховъ, энергично протестовавшихъ противъ укоренившагося среди народа обычая опущенія церковнаго благословенія брака. Отъ XI в. указаніе на этотъ обычай находимъ въ каноническихъ отвѣтахъ митрополита Іоанна II-го (1080—1089 г.г.). Вотъ что, между прочимъ, пишетъ митрополитъ: „яко же еси реклъ, оже не бываетъ на простыхъ людехъ благословенье и вѣнчанье, но боляромъ токмо и княземъ вѣнчатися; простымъ же людемъ, яко и меньшицѣ (наложницѣ) поимаютъ жены своя съ плясаньемъ и гуденьемъ и плесканьемъ“ [120]). Такимъ образомъ, у русскаго человѣка въ XI в. было убѣжденіе, что церковное вѣнчаніе обязательно только для князей и бояръ, что же касается простыхъ людей, то они могутъ сходиться безъ церковнаго благословенія и вѣнчанія. Древне-русскій человѣкъ не стоялъ на столь высокой ступени религіознаго развитія, чтобы могъ усвоить ту истину, что таинство брака прилично не однимъ лишь знатнымъ, богатымъ людямъ, занимающимъ видное общественное

---

[118]) *Олеарія* „Подробное описаніе путешествія Голштинскаго посольства въ Москву и Персію“, стр. 208.

[119]) *А. Алмазова*: „Свѣдѣнія о храмахъ и богослуженіи рус. церкви по сказанію западныхъ иностранцевъ XVI—XVII вв.“ (см. „Правосл. Собесѣд.“ 1888 г., ч. III-я, Ар. 40).

[120]) Русская Историческая Библіотека, т. VI, стр. 7—8, 18.

положеніе. Въ данномъ случаѣ интересно, однако, уяснить, почему у древне-русскаго человѣка родилось убѣжденіе, что церковное вѣнчаніе прилично именно князьямъ и боярамъ, какая была причина, которая могла навести на мысль о княжескомъ достоинствѣ брака.—Такою причиною для древне-русскаго человѣка могла быть причина чисто внѣшняя. Это—сходство самыхъ формъ царской или княжеской короны и брачнаго вѣнца. Сходство это не было случайнымъ. Проф. Н. В. Покровскій, изучившій различныя формы брачныхъ вѣнцовъ и царскихъ коронъ, говоритъ, что формы царской короны и брачнаго вѣнца въ первопачальной и дальнѣйшей своей исторіи родственны между собою. По его мнѣнію, форма греческой діадимы, какъ старѣйшая въ хронологическомъ порядкѣ, вызвала къ жизни формы русскаго брачнаго вѣнца. Форма древнихъ византійскихъ діадимъ аналогична съ формою нашихъ брачныхъ вѣнцовъ. Древне русскій человѣкъ зналъ и форму діадимы и ея высокое значеніе. Познакомиться съ формою византійской діадимы для древне-русскаго человѣка была возможность въ самое раннее время. Различные памятники русской старины—фрески, древнѣйшія русскія монеты, формы иконографіи, переносимыя въ Россію изъ Греціи, служили средствомъ для ознакомленія русскихъ съ византійскою діадимою. Лучшимъ средствомъ для ознакомленія съ византійской діадимою, несомнѣнно, была ходячая монета. На древнѣйшихъ русскихъ монетахъ Святослава, св. Владиміра и Ярослава русскіе князья представлялись въ византійскихъ діадимахъ. Хотя діадима не составляла отчилія русскихъ князей, тѣмъ не менѣе русскіе знали хорошо ея форму и высокое значеніе. Если діадима не могла представлять сходства съ русскимъ брачнымъ вѣнцомъ въ отношеніи богатства и роскоши украшенія, то тѣмъ не менѣе въ отношеніи формы она скужила для послѣдняго образцомъ. Насколько форма брачныхъ вѣнцовъ, употреблявшихся у насъ на Руси, зависѣла отъ формы царской короны, показываетъ то обстоятельство, что видоизмѣненія въ формѣ царской короны (въ XVII и XVIII вв.) сопровождаются соотвѣтственнымъ видоизмѣненіемъ и въ формѣ брачныхъ вѣнцовъ [121]). Уже и это не могло не указывать на то, что въ сознаніи древне-русскаго человѣка были тѣсно соединены понятія о царскомъ или княжескомъ достоинствѣ

---

[121]) *Н. Покровскаго*: „Брачные вѣнцы и царскія короны“ (журн. „Христ. Чтеніе“ за 1882 г., Іюль—Августъ, стр. 143—145).

и достоинствѣ брачнаго союза. Самое церковное благословеніе брака, вѣнчаніе, представлялось для древне-русскаго человѣка величественнымъ, чѣмъ-то особеннымъ, что свойственно людямъ, принадлежащимъ къ высшему кругу, знатнымъ, каковы князья, цари и бояре. Этимъ и можно въ значительной степени объяснить то удаленіе простого народа отъ церковнаго вѣнчанія, о которомъ говоритъ митрополитъ Іоаннъ II-й. Изъ словъ послѣдняго видно, что для современнаго ему простонародья больше имѣло значеніе сравнительно съ церковнымъ чиномъ вѣнчанія соблюденіе при бракахъ разнаго рода языческихъ обычаевъ и обрядовъ, въ родѣ, напримѣръ, „плясанья", „гудѣнья" и „плесканья"..... Опущеніе народомъ церковнаго вѣнчанія и различные свадебные обычаи языческаго происхожденія находили для себя обличенія въ посланіяхъ, словахъ и поученіяхъ пастырей церкви. Кромѣ митрополита Іоанна, о которомъ мы сейчасъ сказали, энергичными борцами съ остатками языческихъ свадебныхъ обычаевъ въ русскомъ народѣ были митрополиты—Петръ, Фотій и Іона [122]). Кромѣ частныхъ лицъ, энергичный протестъ противъ остатка язычества въ народѣ высказывался и цѣлыми соборами. Такъ, въ концѣ XVI в. противъ опущенія церковнаго вѣнчанія былъ заявленъ протестъ духовнымъ соборомъ, созваннымъ Іоанномъ Васильевичемъ Грознымъ. Однако, ни протесты, ни строгія мѣры, принимавшіяся противъ исконнаго обычая, не могли его сразу искоренить. У древне-русскаго человѣка крѣпко было воззрѣніе на бракъ, какъ на актъ чисто гражданскій. Понятіе же о безусловной необходимости для брачущихся церковнаго вѣнчанія, церковнаго благословенія ихъ брачнаго союза не проникло еще, какъ слѣдуетъ, въ сознаніе русскаго человѣка не только въ XVI в. [123]), но и позд-

---

[122]) XIV в. — Поученіе митр. Петра (Русская Истор. Библіотека, т. VI, стр. 161).
XV в. a) Посланіе митр. Фотія въ Новгородъ (Рус. Ист. Биб—ка. т. VI, стр. 272).
b) Его же грамота въ Псковъ (тамъ же, стр. 279).
XV в. — Посланіе митр. Іоны къ Вятичамъ (тамъ-же, стр. 605).

[123]) Въ XVI в. (1509 г.) Кіев. митрополитъ Іосифъ жаловался королю Сигизмунду I-му, что „многіе люди Русь незаконне мешкаютъ: жены поймуючи не вѣнчаются, а урядники за таковыхъ стояли"..... (см. „О семейныхъ отношеніяхъ въ Юго-Западной Руси въ XVI—XVII вв." *Левицкаго*,—журн. „Русская Старина", 1880 г., Ноябрь, стр. 560).

нѣе. Какъ въ Сѣверовосточной, Московской Руси, такъ и въ Юго-западной встрѣчаются въ XVII в. жалобы со стороны духовенства на удаленіе народа отъ церковнаго вѣнчанія. Эти жалобы духовенства слышались въ южной Руси почти до самаго конца XVII в. Судя по этому, въ сравнительно позднее время у насъ на Руси были случаи уклоненія народа отъ церковнаго вѣнчанія,—случаи, ясно говорящіе о томъ, что сознаніе важности и необходимости для брачущихся церковнаго вѣнчанія еще далеко не сдѣлалось среди простого народа общимъ. Не только среди простого народа, но и среди классовъ, болѣе высшихъ, на церковное вѣнчаніе смотрѣли съ чисто формальной, внѣшней стороны, безъ надлежащаго сознанія его важности и значенія. Въ Малороссіи бывали случаи, когда родители, повѣнчавъ свою дочь съ однимъ, и назначивъ время для брачнаго пира, неожиданно выдавали ее замужъ за другого. Въ этомъ отношеніи любопытенъ случай, имѣвшій мѣсто въ Южной Руси въ 1722 г. Подъ указанной датой въ одной актовой книгѣ Кіевскаго центральнаго архива, по сообщенію Ореста Левицкаго, встрѣчается жалоба одного шляхтича на то, что родители (паны Вербицкіе) повѣнчали съ нимъ дочь свою и, назначивъ время для „акту веселнаго“, т. е., свадьбы, выдали ее замужъ за другого. По свидѣтельству Левицкаго, въ Малороссіи жило во многихъ мѣстахъ то убѣжденіе, что собственно не церковное вѣнчаніе устанавливаетъ моментъ дѣйствительнаго супружескаго сожительства, а „весилье“, т. е. свадьба. Между вѣнчаніемъ и этимъ „весильемъ“ (свадьбой) можетъ пройти много времени, въ продолженіе котораго молодые не могутъ жить вмѣстѣ и пользоваться всѣми правами супруговъ. [124]) Ясно, что не церковное вѣнчаніе, а „весилье“—свадьба, этотъ внѣшній актъ, сопровождавшійся различными народными обычаями, являлся санкціонирующимъ началомъ при заключеніи брачнаго союза. Церковное освященіе брачнаго союза считалось излишнимъ въ срединѣ XVII ст. среди крестьянъ южно-русскихъ губерній—Кіевской, Черниговской, Полтавской. Въ этихъ областяхъ, присоединенныхъ къ Московскому государству, обычай уклоненія народа отъ церковнаго вѣнчанія, нельзя объяснить недостаткомъ священниковъ, какъ это стараются

---

[124]) Журн. „Русская Старина“, 1880 г., Ноябрь, стр. 559, примѣчаніе.

нѣкоторые [125]) объяснить среди донскихъ казаковъ, у которыхъ еще недавно бракъ считался заключеннымъ, если женихъ и невѣста, по предварительномъ соглашеніи между собою, публично заявляли объ этомъ сельскому сходу деревни или станицы, такъ называемому „майдану“ и отъ послѣдняго получали согласіе [126]).

Насколько у древне-русскаго человѣка сильна была привязанность къ язычеству и языческимъ обычаямъ, видно изъ того, что во многихъ областяхъ Руси по введеніи уже христіанства, существовали умычки, наложничество и многоженство.—Умычка женъ и похищеніе дѣвицъ—это главнѣйшій языческій обычай, который весьма долго сохранялся въ нравахъ русскаго народа и съ которымъ приходилось много бороться церкви въ лицѣ ея пастырей. Дошедшія до насъ поученія и посланія митрополитовъ Іоанна, Фотія, Симона, Макарія и прочихъ ясно указываютъ на существованіе въ различныхъ областяхъ обычая похищенія женъ и дѣвицъ. Объ этомъ же говорятъ и различные памятники суда церковнаго. [127]) Съ указаннымъ обычаемъ трудно было бороться духовенству не только въ первое время по принятіи христіанства, но и въ XVI и XVII в.в. Какъ коренной общеславянскій обычай, умычка долгое время держалась среди народа, сначала какъ фактъ, какъ дѣйствительное явленіе, а затѣмъ, какъ обрядъ, какъ символъ. Указаніе на существовавшій издавна у нашихъ предковъ обычай умычки нельзя не видѣть отчасти въ существующей доселѣ игрѣ въ такъ называемыя „горѣлки“. Эта игра по своей обстановкѣ весьма хорошо напоминаетъ тѣ игрища „между селы“, о которыхъ лѣтописецъ говоритъ, что на нихъ древніе славяне умыкали себѣ женъ. „Къ числу такихъ игрищъ (т. е., во время которыхъ умыкались жены),—говоритъ Забѣлинъ,—несомнѣнно принадлежали извѣстныя и теперь горѣлки, въ которыхъ горѣть значитъ оставаться одинокимъ, въ то время, когда всѣ стоятъ парами и затѣмъ бѣ-

---

[125]) См. очеркъ проф. *М. Ковалевскаго*: „ Этюды о современномъ обычаѣ и древнемъ законѣ Россіи“ („Всемірный Вѣстникъ“, 1903 г., N. 2, стр. 5—6).

[126]) См. *Харузина*: „Казацкія общины на Дону“. М., 1885 г., стр. 74.

[127]) Неизданный памятникъ русск. церковнаго права XII в. (Журн. Мин. Нар. Просв. 1890 г., Сент. 19); Соловецкая кормчая, листъ 412.

гать и разбивать пару, догонять и умыкать себѣ дѣвицу. Въ извѣстномъ смыслѣ, это былъ жребій добыванія себѣ дѣвицъ“ [128]). Отголоски древняго похищенія невѣстъ можно находитъ въ свадебныхъ пѣсняхъ и обрядахъ нашего народа. Слѣдовъ древней Несторовской умычки нельзя не видѣть, напр., въ слѣдующей хороводной пѣснѣ:

„Стояло тутъ косово дерево,
Лели, лели, лели!
Въ томъ деревцѣ тыночекъ стоитъ,
Лели, лели, лели!
Въ томъ тыночкѣ бесѣда сидитъ,
Лели, лели, лели!
Въ той бесѣдѣ пляшутъ дѣвицы,
Лели, лели, лели!
Мимо тутъ ѣхалъ удалъ молодецъ,
Лели, лели, лели!
Снявши шапочку, онъ дѣвкѣ челомъ,
Лели, лели, лели!
Слѣзши съ коня, онъ руку подаетъ,
Лели, лели, лели!
Дѣвка ему поклонилась,
Лели, лели, лели!
Красна ему руку подала,
Лели, лели, лели!
Взявши съ тыночка, за руку повелъ,
Лели, лели, лели!
За руку повелъ подъ златъ вѣнецъ,
Лели, лели, лели“ [129]).

Болѣе ясный отголосокъ умычки находимъ въ другой пѣснѣ:

„По сегодняшнему денечку
Быть саду да полоненному,
Всему роду покоренному,
Волюшкѣ быть въ неволюшкѣ,
Дѣвушкѣ быть въ забавушкѣ“ [130]).

Слѣды древняго похищенія невѣстъ можно видѣть также въ тѣхъ символическихъ обрядахъ, въ которыхъ родные невѣсты

---

[128]) Цитир. выше *И. Забѣлина*: „Исторія рус. жизни съ древнѣйшихъ временъ“, ч. 2-я, М., 1879 г., стр. 322.

[129]) См. цитир. выше „Сборникъ критическихъ и библіограф. статей“ отд. IV-й стр. 101.

[130]) См. цитир. выше *Н. Степанова*: „Народные праздники на святой Руси“, СПБ. 1899 г., стр. 85.

какъ бы защищаютъ свой домъ отъ вторженія родныхъ, поѣзжанъ и сватовъ жениха. Въ народѣ эти обряды продѣлываются или передъ поѣздкою въ церковь, или передъ веденіемъ молодыхъ въ опочивальню. Мы не будемъ здѣсь касаться подробно современныхъ свадебныхъ обрядовъ и церемоній русскаго простонародья; остановимся лишь на нѣкоторыхъ свадебныхъ обрядахъ и церемоніяхъ у заволжскихъ раскольниковъ и у нѣкоторыхъ русскихъ инородцевъ. Весьма интересное описаніе свадебныхъ обычаевъ и обрядовъ у заволжскихъ раскольниковъ находимъ у П. И. Мельникова (Андрея Печерскаго), этого доровитаго писателя и выдающагося знатока русской жизни и русскаго народнаго духа. Въ своемъ сочиненіи „Въ лѣсахъ", касаясь, между прочимъ, свадебныхъ обычаевъ у Заволжскихъ раскольниковъ, Мельниковъ указываетъ на существованіе среди нихъ обычая похищенія дѣвушки изъ родительскаго дома и тайнаго вѣнчанія съ нею у раскольничьяго попа, а чаще въ православной церкви. Обычай этотъ называется обычаемъ „крутить свадьбы уходомъ". Такъ называемая „свадьба уходомъ" издавна ведется за Волгой. Здѣсь она держится, главнымъ образомъ, вслѣдствіе тяжелаго положенія дѣвицы въ семьѣ родителей. Они дорожатъ дѣвицей, какъ даровой работницей, почему и не торопятся ее отдать замужъ, выжидая, когда она прежде заработаетъ родительскую хлѣбъ-соль. Иногда до 30 и больше лѣтъ дочь обязана бываетъ жить въ работницахъ у отца и матери. Естественно, что многія дѣвицы, желая избѣжать столь долгаго и тяжелаго сидѣнья въ домѣ родителей, тайкомъ отъ послѣднихъ находятъ себѣ жениха и устраиваютъ съ нимъ побѣгъ. Какъ все это происходитъ, прекрасно изображается авторомъ въ поименованномъ выше сочиненіи. „Спознается дѣвка, — говоритъ онъ, — на супрядкахъ либо въ хороводѣ съ молодымъ парнемъ, непремѣнно изъ другой деревни, полюбятъ они другъ дружку и станутъ раздумывать, отдадутъ родители дѣвицу „честью", аль придется свадьбу „уходомъ" играть. Нѣтъ надежды на согласье, дѣвушка тихонько соберетъ приданое и одежу, какая есть у ней, передастъ возлюбленному, а потомъ и сама на условное мѣсто придетъ. Женихъ кидаетъ невѣсту въ сани и съ товарищами мчится во весь опоръ къ попу. Родители, узнавъ про уходъ дочери, тотчасъ лошадей запрягать, въ погоню скакать, родныхъ, сосѣдей на ноги поднимутъ, разсыплются по всѣмъ сторонамъ бѣглѣцовъ искать. Случается, что настигаютъ. И тогда зачнутъ у поѣзжанъ „отбивать невѣ-

сту“.... Иной разъ тутъ дѣло до крови доходитъ. Но не всегда такъ бываетъ, обыкновенно женихъ съ невѣстою успѣваютъ доскакать до попа и обвѣнчаться. Затѣмъ мужъ везетъ молодую жену къ своимъ родителямъ, тѣ ужъ дожидаются—знаютъ, что сынъ поѣхалъ сноху имъ выкрасть, новую даровую работницу въ домъ привести, съ радостію встрѣчаютъ они новобрачныхъ. На другой либо на третій день новобрачный, съ женой, отправляется къ тестю прощенья просить. Тамъ принимаютъ его съ бранью, дочь съ проклятіями. Вся деревня сбѣжится смотрѣть, какъ молодые, поклонясь въ землю, лежатъ, не шелохнувшись, пицъ передъ отцомъ передъ матерью, выпрашивая прощенья, а отецъ съ матерью ругаютъ ихъ ругательски и клянутъ, и ногами въ головы пихаютъ, а послѣ того и колотить примутся: отецъ плетью, мать сковородникомъ. Наконецъ, уходится сердце родительское. За побоями да за бранью мировая слѣдуетъ, но ужъ кромѣ того, что успѣла невѣста жениху передъ уходомъ передать, никакого приданаго ей не дается. Не бываетъ при свадьбѣ „уходомъ“ ни „горнаго стола“, ни подарковъ, все оканчивается двумя обѣдами родителей однихъ у другихъ“ [131]). Такъ совершается свадьба „уходомъ“ въ быту заволжскихъ раскольниковъ. „Свадьба уходомъ“, или тайный уводъ невѣсты съ ея согласія совершается, какъ мы видѣли, съ цѣлью избѣжать сопротивленія родителей, когда послѣдніе не желаютъ отдать дѣвицу „честью“. Иногда свадьбу „уходомъ“ устраиваютъ сами родители жениха и невѣсты по взаимному между собою согласію. Дѣлается это по большей части родителями небогатыми, во избѣжаніе расходовъ на свадебные пиры и различные подарки. „Бываетъ нерѣдко,—говоритъ тотъ же авторъ знаменитаго романа—очерка, что родители жениха и невѣсты, если не изъ богатыхъ, тайкомъ отъ людей, даже отъ близкой родни, столкуются межъ себя про свадьбу дѣтей и рѣшатъ не играть свадьбы „честью“, во избѣжанье расходовъ на пиры и дары. А велятъ дѣткамъ самимъ справлять свадьбу, какъ знаютъ. При этомъ однакожъ весь обрядъ чинъ-чиномъ соблюдается: и погоня во всѣ стороны, и брань съ проклятьями при встрѣчѣ, и топанье ногами, и битье плетью и ухватомъ на глазахъ сбѣжавшейся деревни: все какъ слѣдуетъ. Но когда родительское сердце утолится, и руки колотить новобрачныхъ

---

[131]) *Н. И. Мельникова:* Полное Собраніе сочиненій, томъ III, ч. 1-я, СПБ. 1897 г., стр. 88—89.

устанутъ, мирятся, и тѣмъ же ухватомъ, что мать дочку свою колотила, принимается она изъ печки горшки вынимать, чтобы парочно состряпаннымъ кушаньемъ любезнаго зятюшку потчивать“ [132]).

Указанія на языческій обычай умычки невѣстъ чаще всего можно находить въ описаніяхъ свадебныхъ церемоній у русскихъ инородцевъ, пермяковъ, мордвы, чувашей и проч. У пермяковъ, напр., среди различныхъ обрядовъ и церемоній свадебныхъ существуютъ такого рода обряды и церемоніи. Жениха и его свиту долгое время не пускаютъ на дворъ родителей невѣсты; невѣстѣ, передъ отправленіемъ въ церковь, связываютъ руки и такъ везутъ изъ дома родителей. И еще: на свадебномъ пиру никто не присутствуетъ изъ родственниковъ невѣсты. [133]) Мысль о насильственномъ похищеніи невѣсты и о ея сопротивленіи этому похищенію столь же ясно выражена и въ свадебныхъ обрядахъ мордвы. Невѣста у мордвы также съ неохотою идетъ изъ родительскаго дома, родственники даже насильно ее выносятъ, причемъ она всячески старается отбиться. У мордвы есть также обычай, по которому молодая въ церкви не допускаетъ цѣловать себя, такъ что и въ данномъ случаѣ употребляется нѣкотораго рода насиліе [134]). Насиліе въ свадебныхъ церемоніяхъ надъ невѣстой со стороны жениха и сопротивленіе этому насилію со стороны невѣсты, выражающееся въ разнообразныхъ формахъ, служитъ символомъ дѣйствительнаго похищенія, существовавшаго и существующаго въ быту инородцевъ. Похищеніе невѣстъ чаще всего встрѣчается у русскихъ инородцевъ, притомъ въ различныхъ формахъ. Учеными изслѣдователями иновѣрческаго быта указываются три формы похищенія: 1) дѣйствительное похищеніе невѣсты насильственнымъ путемъ противъ желанія ея самой и ея родителей; 2) тайный уводъ невѣсты по соглашенію съ ней самой, а иногда и съ ея родителями, которые стараются, однако, показать, что побѣгъ невѣсты для нихъ является неожиданностью и совершается вопреки ихъ желанію,—мы видѣли, что такимъ обра-

---

[132]) Тамъ же, стр. 89.

[133]) *Добротворскій*: „Пермяки“ (см. журн. „Вѣстникъ Европы“, 1883 г., № 4, стр. 552—563.

[134]) См. цитир. выше *А. Максимова:* „Что сдѣлано по исторіи семьи? Очеркъ современнаго положенія вопроса о первобытныхъ формахъ семьи и брака“. М. 1901 г., стр. 169.

зомъ устраивался побѣгъ, по описанію Мельникова, у заволжскихъ раскольниковъ; 3) символическое похищеніе, состоящее въ томъ, что наиболѣе важной частью брачныхъ церемоній является какой-либо актъ насилія со стороны жениха или его свиты надъ невѣстой [135]).

Наряду съ похищеніемъ невѣстъ, этимъ исконнымъ языческимъ обычаемъ, долгое время сохранявшимся въ быту русскаго народа и, какъ мы видѣли, получившимъ большое распространеніе среди русскихъ инородцевъ, у нашихъ предковъ держались такъ же упомянутыя нами выше наложничество и многоженство. Указаніе на существованіе издавна у нашихъ предковъ этихъ обычаевъ находимъ въ сказаніяхъ лѣтописца о многоженствѣ великаго князя Владиміра передъ принятіемъ христіанской вѣры и въ повѣствованіи о древнихъ славянскихъ племенахъ, о которыхъ лѣтописецъ замѣчаетъ, что всѣ они, исключая кіевскихъ полянъ, имѣли по двѣ и по три жены [136]). Наложничество и многоженство держались преимущественно въ княжеской средѣ, у родовъ владѣтельныхъ, богатыхъ, которые, и по принятіи христіанской вѣры, не могли скоро отрѣшиться отъ языческаго обычая. Что касается массы населенія, частныхъ лицъ, то указаніе на существованіе среди нихъ наложничества и многоженства находимъ въ поученіяхъ, правилахъ [137]) и посланіяхъ [138]) русскихъ іерарховъ къ своей паствѣ. Нельзя не видѣть также слѣдовъ многоженства у нашихъ предковъ въ былинахъ изъ временъ велик. князя Владиміра. Былины эти разсказываютъ, что у главнаго богатыря князя, Ильи Муромца, были дѣти отъ разныхъ женщинъ: Омельфы Тимоѳеевны, Авдотьи Горынчанки и бабы Латыгорки. На основаніи этого можно думать, что многоженство среди частныхъ лицъ не было рѣдкимъ, исключительнымъ явленіемъ. Что многоженство держалось не только среди княжескаго рода, но и среди частныхъ лицъ, массы населенія, видно отчасти изъ крѣпко державшагося у нашихъ предковъ почитанія рода съ рожаницами, т. е. родо-

---

[135]) Тамъ же, стр. 159.

[136]) П. С. Р. Л., т. I, стр. 6.

[137]) Правила *митр. Іоанна* (см. Русск. достопамятности, ч. 1, стр. 91); 69 вопросъ Кирика Нифонту (Рус. Ист. Биб—ка, т. VI, стр. 41—42).

[138]) Посланіе *митр. Фотія* въ Псковъ (Русск. Ист. Биб—ка, т. VI, стр. 432); посланіе м. Іоны къ Вятичамъ (тамъ же стр. 595).

начальника съ его женами. У частныхъ лицъ, кромѣ законныхъ, такъ называемыхъ „водимыхъ“ женъ, были и наложницы, по большей части изъ рабынь. Это можно видѣть отчасти изъ „Русской Правды“. Въ послѣдней есть постановленіе, что дѣти, прижитыя свободнымъ человѣкомъ съ рабою, получаютъ вмѣстѣ съ матерью свободу послѣ отца, но лишаются послѣ него наслѣдства [139]).

Сказаннаго нами, думаемъ, достаточно, чтобы видѣть существованіе у нашихъ предковъ наложничества и многоженства. Впрочемъ, что касается вопроса о многоженствѣ, то нужно отмѣтить, что ученые изслѣдователи славянскаго быта относились къ нему не одинаково. Признавая, что славянскіе князья жили въ многоженствѣ, даже послѣ принятіи христіанской вѣры, нѣкоторые изслѣдователи, какъ, напр., Мацеевскій, Шульгинъ, не признавали въ собственномъ смыслѣ многоженства у славянскаго простолюдина [140]). Мацеевскій указываетъ на то, что въ славянскомъ законодательствѣ нѣтъ дозволенія жить частнымъ людямъ въ многоженствѣ, нѣтъ, равнымъ образомъ, указанія и на права дѣтей, родившихся внѣ брака, прижитыхъ незаконно. Исключеніе въ этомъ случаѣ представляетъ „Русская Правда“, въ которой, какъ мы видѣли, есть упоминаніе о побочныхъ дѣтяхъ, которыя вмѣстѣ съ матерью—рабою получаютъ свободу послѣ отца, но не имѣютъ послѣ него права наслѣдства. Не находя прямого указанія въ славянскомъ законодательствѣ на многоженство среди частныхъ лицъ, нельзя, по мнѣнію Мацеевскаго, свидѣтельство лѣтописца о двухъ и трехъ женахъ у древнихъ славянъ понимать въ собственномъ смыслѣ многоженства, т. е. въ смыслѣ имѣнія вмѣстѣ и одновременно нѣсколько женъ, а нужно понимать въ смыслѣ славянско-народнаго обычая, по которому можно было легко разводиться и заключать новыя брачныя связи. По мнѣнію Шульгина, господствующею формою брака у простого народа нужно считать не много-

---

[139]) *Н. Рожкова*: Обзоръ русской исторіи съ соціологической точки зрѣнія“ (см. „Міръ Божій“. 1903 г., Апрѣль, стр. 83).

[140]) Для болѣе обстоятельнаго знакомства съ взглядами на указанный предметъ названныхъ авторовъ, читатели благоволятъ обратиться къ ихъ сочиненіямъ, цитированнымъ выше: 1) *В. Шульгина*: „О состояніи женщинъ въ Россіи до Петра В.“; 2) *Мацеевскаго*: „Исторія первобытной христіанской церкви у Славянъ“ (см. главу VII: „Многоженство у Славянъ“).

женство, эту древнюю форму брака, господствовавшую у родовъ владѣтельныхъ, а послѣдовательно смѣнявшіяся временныя супружества, потому что простой народъ, за неимѣніемъ матеріальныхъ средствъ, былъ не въ состояніи содержать нѣсколько женъ. Что среди народа были въ обычаѣ смѣнявшіяся временныя супружества, частыя повторенія и расторженія браковъ, Мацеевскій доказываетъ словами русск. епископа XII в.: „Иже безъ труда и безъ страха и безъ срама, двѣ жены имѣютъ, кромѣ сея вѣры нашея и греческое благовѣрство житія... иже поимаютъ ся безъ благословенія, сочтаніе и жены обмѣтаютъ ся и своя жены пущаютъ и прилепляются инѣмъ... иже третію жену поялъ и іерей благословилъ будетъ вѣдая или невѣдая“ [141]). Русскимъ епископомъ осуждается здѣсь древній языческій обычай, сохранявшійся въ народѣ и по принятіи христіанской вѣры,—обычай, по которому мужчины часто смѣняли женъ, прилепляясь, какъ говорится, къ „инѣмъ“ женамъ, часто расторгали и повторяли браки, заключали ихъ не по церковному установленію, требующему благословенія брака со стороны церкви и недопускающему повтореній и свободныхъ расторженій его. У древне-русскаго человѣка было воззрѣніе на бракъ, какъ на актъ чисто гражданскій, который легко могъ заключаться и легко расторгаться. Заключеніе и расторженіе этого брака нормировалось установившимися народными обычаями. Заключавшіяся безъ церковнаго благословенія и вѣнчанія, гражданскія супружества назывались нѣкогда у славянъ именемъ „брака“ и отличались отъ церковнаго супружества, которое называлось „вѣнчаніемъ“ [142]). Отголосокъ древне-русскаго воззрѣнія на бракъ, какъ на актъ чисто гражданскій, указаніе на существованіе въ древности смѣнявшихся временныхъ супружествъ ученый изслѣдователь семейныхъ отношеній въ юго-западной Руси въ XVI—XVII в.в. Левицкій видитъ въ существованіи здѣсь за это время свободныхъ брачныхъ разводовъ и заключенія браковъ помимо церкви, при участіи лишь мѣстной судебной власти. Не имѣя возможности здѣсь за краткостью статьи входить въ подробное обсужденіе вопроса о многоженствѣ и такъ называемыхъ временныхъ, постепенно смѣнявшихся супружествахъ, мы замѣтимъ, что, на

---

[141]) См. *Мацеевскаго*: Исторія первобытной христіанской церки у Славянъ“, стр. 242.

[142]) Тамъ же, стр 199.

основаніи данныхъ, представленныхъ выше, можно признать, однако, существованіе многоженства въ собственномъ смыслѣ не только въ средѣ княжеской, но и народной. Свидѣтельство лѣтописца, сказанія былинъ изъ временъ князя Владиміра, почитаніе рода съ рожаницами, упомянутое свидѣтельство „Русской Правды", неоднократныя обличенія въ многоженствѣ русскаго народа со стороны русскихъ іерарховъ и пастырей церкви—все это указываетъ, что многоженство не было явленіемъ рѣдкимъ, исключительнымъ среди народа: оно такъ же имѣло право на существованіе въ средѣ народа, какъ и постепенно смѣнявшіяся временныя супружества. По крайней мѣрѣ, на основаніи приведенныхъ свидѣтельствъ, обѣ упомянутыя формы брачнаго союза можно находить у нашихъ предковъ среди частныхъ людей. Какъ народный обычай, многоженство признавали у нашихъ предковъ ученые изслѣдователи славянской исторіи. Яковъ Гриммъ [143]), изслѣдователь древнегерманскаго быта, касаясь и славянскаго быта, высказывалъ мнѣніе, что славянскіе народы жили въ многоженствѣ. Съ этимъ мнѣніемъ не могъ согласиться впослѣдствіи въ указанномъ нами сочиненіи г. Мацеевскій (стр. 189—190; 200). Однако, мнѣніе о существованіи среди частныхъ лицъ, среди массы населенія, у нашихъ предковъ многоженства нашло для себя защитниковъ среди нѣкоторыхъ современныхъ изслѣдователей славянской исторіи. Его раздѣляетъ, какъ мы видѣли, извѣстный современный изслѣдователь русской исторіи Н. Рожковъ.

Языческія формы брака, языческіе обычаи не могли, конечно, скоро, какъ мы видѣли, искорениться въ народномъ быту. Въ силу традиціи, въ силу привычки, русскій народъ не могъ быстро порвать связь съ указанными формами брака, съ языческимъ вѣнчаніемъ [144]) и съ разнаго рода языческими обычаями, столь долго сохранявшимися въ разныхъ мѣстахъ древней Руси. Самое свадебное веселье, свадебный пиръ издавна у насъ на Руси соединялись съ различнаго рода языческими повѣріями и дѣйствіями. Обличительныя слова, по-

---

[143]) Grimm'a „Deutsche Rechtsalterthümer". Goetthingen. 1828, s. 440.

[144]) Объ языческомъ вѣнчаніи, сохранившемся и въ христіанствѣ, находятся любопытныя свѣдѣнія въ одномъ обличительномъ словѣ (см. *Е. Голубинскаго*: „Исторія рус. цер.", т. 1, 2-я пол., стр. 783).

ученія и посланія русскихъ іерарховъ и пастырей церкви говорятъ намъ объ употребленіи народомъ среди свадебъ разнаго рода „игръ, бѣсовскихъ позоровъ, срамныхъ плясокъ“ и т. п. Въ „Словѣ нѣкоего христолюбца“, ревнителя о правой вѣрѣ, указывается на бѣсовскія игры при свадьбахъ, на пляску, гудьбу, пѣсни и сопѣли [145]). На свадебныхъ, пирахъ часто встрѣчались различнаго рода потѣшные люди, веселившіе и потѣшавшіе молодыхъ и гостей, такъ называемые скоморохи, ходившіе часто изъ села въ село большими толпами и составлявшіе непремѣнную принадлежность пиршествъ и разнаго рода обрядныхъ торжествъ и церемоній древней Руси. У славянъ-двоевѣръ на свадьбахъ соблюдались такіе обычаи, которые на нашъ взглядъ кажутся странными, непонятными, но у нихъ имѣли, однако, свое значеніе. Такъ, они чествовали на свадебныхъ пирахъ фаллоса, вкушали „отъ срамныхъ удъ истекающую скверну“, думая что этимъ очищаются грѣхи, клали чеснокъ въ ведра и чаши съ водой, которую затѣмъ пили [146]) Въ одномъ обличительномъ словѣ говорится: „и чесновитокъ богомъ творятъ: егда будетъ у кого пиръ (особенно на свадьбахъ), тогда кладутъ въ ведра и въ чаши и пьютъ, веселяся о своихъ идолахъ“..... По свидѣтельству А. Потебни, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ южной Россіи до сихъ поръ въ свадьбахъ употребляется чеснокъ. Такъ, передъ отправленіемъ невѣсты къ вѣнцу, завязываютъ въ косу головку чесноку, что, вѣроятно, означаетъ предохраніе отъ порчи вѣдьмами [147]). У нашихъ предковъ чеснокъ или „чесновитокъ“ пользовался большимъ уваженіемъ. „Поклоненіе чесноку,— говоритъ Забѣлинъ, — возникло, вѣроятно, за особыя его горячія свойства и сильный острый запахъ. Это было миѳическое зелье въ собственномъ смыслѣ. Обладавшій этимъ растеніемъ могъ творить чудеса главнымъ образомъ съ нечистою силою и всякими чародѣями. Видимо, что понятіе о чеснокѣ сливалось съ понятіемъ о миѳическомъ очищеніи отъ всякаго очарованія и демонской порчи“ [148]).

---

[145]) Слово по рукописи Новг.-Софійской Биб ки конца XV в. (См. *Тихонравова*, „Лѣт. русск. литер. и древн.“, т. IV, стр. 94).

[146]) Тамъ же, стр. 92, 103.

[147]) Чт. Импер. общ. Ист. и древ. Рос. 1865 г., кн. IV, I-й отд., стр. 305.

[148]) *И. Забѣлина*: „Исторія рус. жизни съ древнѣйшихъ временъ“, М., 1879 г., ч. 2-я, стр. 222—223.

Понятно, духовенству и церкви приходилось много бороться въ древней Руси съ языческими остатками въ народѣ. Послѣ того, что мы сказали, понятны будутъ слова святительскія древне-русскимъ пастырямъ въ концѣ XV в.: „аще будутъ на брацѣ или въ пиру позоры каковы, отходи прежде видѣнія“ [149]).

Наши предки были вообще суевѣрны. Суевѣрная душа ихъ ясно сказалась, кромѣ указанныхъ нами сейчасъ свадебныхъ обычаевъ, также въ обычаяхъ свадебнаго обихода, связанныхъ съ почитаніемъ домашняго очага. Послѣдній, какъ извѣстно, у нашихъ предковъ считался священнымъ. Для славянина—язычника очагъ являлся первымъ жертвенникомъ, на которомъ горящія дрова представляли собою жертву, приносимую въ честь бога Перуна, повелителя небесныхъ огней и грома. Огню очага приписывалась большая сила, отгоняющая отъ дома всякую болѣзнь, порчу и нечисть. Въ старину около очага происходили совѣты родичей. Если молодые члены рода выходили изъ дѣдовскаго гнѣзда, то они непремѣнно брали съ собой къ новому своему очагу горящіе угли отъ стараго, что служило залогомъ къ сохраненію тѣсной, неразрывной связи между родственниками. Вотъ почему огонь домашняго очага у нашихъ предковъ имѣлъ большое значеніе во всѣхъ важныхъ событіяхъ ихъ жизни, считался священнымъ. „Въ стародавніе годы, говоритъ Коринѳскій, ни одна невѣста не уходила передъ вѣнчаніемъ изъ родительскаго дома, не простившись съ его огнемъ. Прощаніе сопровождалось особыми обрядами, мало-по-малу исчезавшими изъ житейскаго обихода. При этомъ пѣлись подружками невѣсты и особыя пѣсни—„огнянки“; но и отъ нихъ не дошло до нашихъ дней почти никакого слѣда. Передъ домомъ жениха невѣсту также встрѣчалъ огонь: выбѣгалъ навстрѣчу дружка съ горящей головнею изъ женихова очага въ рукахъ. „Какъ ты берегла огонь у отца—матери, такъ береги и въ мужниномъ домѣ“,—привѣтствовалъ онъ молодую, троекратно обѣгая вокругъ нея. Только успѣвала она вступить въ хату, какъ ее вели къ пылающему очагу и здѣсь осыпали тремя пригоршнями зерна,—въ знакъ того, что она присоединялась къ семьѣ и въ пожеланіе плодородія въ супружеской жизни. Съ этой минуты новобрачная поступала подъ покровительство свѣтлаго духа, присутствіе котораго въ домашнемъ очагѣ оберегало всю семью отъ „напрасной“ бѣды. Вечеромъ, послѣ пира—стола,

---

[149]) Акты Историч. т. I, стр. 162.

молодуха снимала съ себя поясъ и бросала его на печь. Этимъ какъ бы ввѣрялась вся брачная жизнь молодыхъ новоженовъ защитѣ домового". [150]) По представленію предковъ, домовой являлся охранителемъ семейнаго очага; онъ видитъ все, что дѣлается въ семьѣ, радуется семейной радости и печалуется о всякомъ семейномъ горѣ. Остатокъ древняго вѣрованія въ духовъ семьи, такъ назыв. „домовыхъ", можно находить въ нѣкоторыхъ свадебныхъ обычаяхъ у болгаръ и малороссовъ. По сообщенію современныхъ болгарскихъ этнографовъ — Богишича, Крауса и др., у болгаръ существуетъ обычай, по которому, напр., невѣста прежде чѣмъ оставить родительскій домъ, трижды обходитъ домашній очагъ, каждый разъ падая передъ нимъ ницъ, какъ бы моля о прощеніи. Обычай этотъ, не трудно видѣть, указываетъ на почитаніе домашняго очага, на поклоненіе домашнимъ духамъ, домовымъ Невѣста, оставляя родительскій домъ, послѣдній разъ обращается къ духамъ семьи. Когда же невѣста вступитъ въ домъ жениха, то тамъ она, по предписанію обычая, садится у самаго очага и бросаетъ въ него дрова, чтобы поддержать на немъ огонь. Поддержаніемъ огня на очагѣ выражалось со стороны невѣсты согласіе быть членомъ семейной общины мужа и участницей въ ея культѣ [151]). Указаніе на почитаніе домашняго очага и домашнихъ духовъ въ Малороссіи можно видѣть отчасти изъ обычая, предписывающаго, напр., невѣстѣ, въ то время, когда ея родитель ведетъ переговоры съ сватомъ жениха, оставаться у домашняго очага съ простертыми къ нему руками. Этимъ выражалось желаніе невѣсты быть всегда подъ защитой духовъ своей семьи, домовыхъ. Не мало подобныхъ обычаевъ можно находить у русскихъ инородцевъ. „У сосѣдей великоросса—крестьянина, симбирскихъ чувашей, до сихъ поръ соблюдается перенятый отъ русскихъ старинный, утратившійся въ памяти народной Руси, обычай, состоящій въ томъ, что повобрачная, вступая впервые въ мужнинъ домъ, прежде всего земно кланяется печкѣ, а затѣмъ уже переходитъ къ выполненію другихъ обрядностей этого самаго торжественнаго для нея въ ея сѣренькой—будничной жизни дня" [152]). У мордвы—мокшанъ Нижегородской губерніи, послѣ того, какъ новобрачныхъ приведутъ отъ вѣнца, мать жениха или близкая

---

[150]) *Коринѳскаго*: „Народная Русь", стр. 55—56.
[151]) Всемірный Вѣстникъ, 1903 г., № 2, стр. 2—3.
[152]) *Коринѳскаго*: „Народная Русь", стр. 56.

родственница у печного очага даетъ невѣсткѣ новое имя („мазай“,—пригожая, красивая). Послѣ нареченія такого имени, новобрачную подводятъ къ печному шестку, и свекровь раскладываетъ на шесткѣ свои ладони съ искрошенными различными яствами и такимъ образомъ кормитъ свою невѣстку изъ своихъ рукъ, къ которымъ она только нагибается. Дѣлаютъ это мокшане для того, чтобы новобрачные привыкли къ дому. Какъ печь никуда не выходитъ изъ дома, говорятъ они, такъ и молодые никуда бы не выходили изъ него, кромѣ необходимыхъ случаевъ [153]). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи въ крестьянскихъ свадьбахъ до сихъ поръ соблюдается обычай, указывающій, несомнѣнно, на существованіе нѣкогда у нашихъ предковъ почитанія домашняго очага и его покровителей, домашнихъ духовъ. Это—обычай сажать молодыхъ на печь. Молодыхъ сажаютъ на печь послѣ свадебнаго пира—стола, причемъ имъ вручается младенецъ. Означаетъ это то, что молодые себя и свое будущее поколѣніе какъ бы вручаютъ заступничеству позабытыхъ теперь среди народа покровителей домашняго очага. Обычай этотъ соблюдается въ нѣкоторыхъ селахъ Тульской губ., Крапивенскаго уѣзда. Многіе изъ языческихъ свадебныхъ обычаевъ въ настоящее время утратили среди народа свое первоначальное значеніе, потеряли свой прежній смыслъ. Не смотря, однако, на это, мы видимъ не мало среди народа свадебныхъ обычаевъ, которые имъ крѣпко сохраняются. Мы показали, какъ долго и крѣпко сохранялись въ русскомъ народѣ различные языческіе обычаи, имѣвшіе мѣсто на свадьбахъ, показали, какія въ древне-русскихъ свадьбахъ держались повѣрія и дѣйствія языческаго характера. Кромѣ языческихъ повѣрій и дѣйствій, имѣвшихъ отношеніе въ древней Руси къ свадьбамъ и указанныхъ нами выше, мы увидимъ также и другія, когда будемъ говорить о свадебныхъ обычаяхъ за второй періодъ, съ XVI—XVIII в.в.

III.

Свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ изъ второго періода о свадебныхъ обычаяхъ, даютъ возможность видѣть, что свадьбы у всѣхъ сословій за это время были въ существенномъ сходны. То, что составляло главное на свадьбахъ въ древней Руси—

---

[153]) *Е. Якушкина*: „Обычное право русскихъ инородцевъ“, стр. 23—24 (см. Чт. Импер. Общ. Исторіи и древ. Рос. 1899 г., кн. 3-я).

свадебные чины, свадебный поѣздъ были у всѣхъ одинаковы. Разница была только въ богатствѣ и пышности, въ большемъ числѣ поѣзжанъ и угощеній. Вотъ почему всѣ наши древнія свадьбы до XVIII в. были однообразны и могли считаться общими, народными.

Свадьбѣ, обычно, предшествовало много приготовленій. Для заключенія брака и для начатія дѣла сватовства требовалось разрѣшеніе со стороны родителей. Кромѣ благословенія и воли родителей, для брака считалось необходимымъ благословеніе духовнаго лица. Князья и цари испрашивали благословенія на бракъ отъ патріарха или митрополита. Такъ поступили, напр., князь Василій Іоановичъ, царь Михаилъ Ѳеодоровичъ и Алексѣй Михайловичъ [154]) Для сватовства у бояръ и другихъ людей существовали сваты, которыхъ и посылали къ родителямъ дѣвицы, за которую кто изъ нихъ хотѣлъ свататься. Сваты спрашивали о желаніи родителей или родственниковъ отдать дѣвицу замужъ, наводили также справки и о приданомъ. Что касается Московскихъ государей, то у нихъ, какъ мы уже знаемъ, былъ обычай всенароднаго избранія невѣсты. Для этого вѣнценосные жепихи посылали указы по своимъ владѣніямъ для сбора дѣвушекъ—невѣстъ. Такъ поступили великій князь Василій Іоановичъ и царь Іоаннъ Васильевичъ IV-й. Иностранецъ Іовій называетъ это „древнимъ обычаемъ“. Подобный обычай существовалъ у Византійскихъ государей, отъ которыхъ заимствовали и наши государи [155]).

Въ древней Руси, какъ мы уже видѣли, обращалось большое вниманіе на приданое. По „Домострою“, приданое („надѣлокъ“) должно готовиться родителями постепенно со дня рожденія дочери и до ея замужества. Юридическіе памятники свидѣтельствуютъ о повсемѣстномъ существованіи обычая давать приданое за невѣстой не только изъ движимаго имущества, но и недвижимаго. Какъ въ Сѣверо-Восточной, такъ и въ Юго-Западной Руси женщина, выходя замужъ, необходимо приносила въ домъ мужа извѣстное приданое. Въ Юго-западной Руси оно носило названіе „посагъ“. „Посагъ“ состоялъ какъ изъ денегъ, такъ и разнаго рода движимаго и

---

[154]) *И. Сахарова*: „Сказанія русскаго народа“, т. II, кн. 6-я, стр. 6—7.

[155]) См. *И. Забѣлина*: „Домашній бытъ русскихъ царицъ въ XVI и XVII вв.“, т. II, стр. 214—218.

недвижимаго имущества. Послѣднее могло приноситься невѣстой въ томъ случаѣ, если она не имѣла братьевъ, или если у ея матери были свои собственныя имѣнія. Приданое назначалось посредствомъ такъ называемыхъ „рядныхъ записей“. Первая до сихъ поръ извѣстная рядная запись относится къ первой половинѣ XVI в. (къ 1542 г.). Это рядная роспись на приданое княгини Соломониды Пронской [156]). Кромѣ этой, сохранилось не мало и другихъ рядныхъ росписей [157]).

За день до свадьбы происходилъ отпускъ приданаго въ домъ жениха. Послѣ отпуска приданаго начинались приготовленія къ завтрашнему дню, т. е. ко дню свадьбы. Составлялись съ обѣихъ сторонъ росписи чиновныхъ людей на свадьбѣ, посаженыхъ отца съ матерью, дружекъ, свахъ, поѣзжанъ, сидячихъ бояръ и боярынь и пр. [158]). Убирали сѣнникъ или, какъ онъ назывался у простонародья, „подклѣть“, приготовляли брачную постель на ржаныхъ снопахъ. По свидѣтельству Олеарія, при боярскихъ и княжескихъ свадьбахъ, постель приготовлялась на сорока ржаныхъ снопахъ, [159]) по „Домострою“ — на двадцати семи [160]). Въ свадьбахъ велик. кн. Василія Іоанновича и Михаила Ѳеодоровича постели были приготовлены на двадцати семи ржаныхъ снопахъ [161]). То мѣсто въ сѣнникѣ, гдѣ должна быть постель, кропилось предварительно священникомъ [162]).

Въ самый день свадьбы въ одной изъ палатъ въ домѣ родителей невѣсты устраивалось особое мѣсто для жениха и невѣсты. Это мѣсто покрывали ковромъ или бархатомъ, ста-

---

[156]) *И. Сахарова*: „Сказанія русск. народа“, т. II, кн. 6-я, стр. 103—104; тамъ же стр. 104—106.

[157]) Рядныя росписи: 1612 г., 1691 г., 1670 г., 1672 г.; данныя приданыя: 1684 г., Окт. 20 дня, 1692 г. Марта 3, 1694 г. Февр. 12, 1695 г. Сент. 9; 1700 г. Янв. 25 (см. Акты, относящіеся до юридическаго быта древней Россіи, т. I). Рядныя записи см. также въ Сборникѣ старинныхъ бумагъ, хранящихся въ музеѣ Щукина (ч.ч. I, II, III).

[158]) См. „Домострой“, стр. 171; *Котошихина*: „О Россіи въ царствованіе Алексія Михайловича“, стр. 121; *Сахарова*: „Сказанія русскаго народа“, т. II, кн. 6-я, стр. 27.

[159]) *Олеарія*: „Подробное описаніе путешествія голштинскаго посольства въ Московію и Персію въ 1636 и 1639 г.г.“, стр. 205.

[160]) Домострой“, стр. 173.

[161]) Древн. Рос. Вивліоѳика, ч. XIII, стр. II, 168—169.

[162]) „Домострой“, стр. 173.

вили около него двухъ человѣкъ, которые держали сорокъ соболей. По сторонамъ мѣста ставились двѣ скамейки для тысяцкаго и свахи. Устраивался также столъ, покрытый двумя скатертями. На столѣ помѣщались колачи и *перепеча*, [163]) причемъ особо стояло четыре блюда. На одномъ ставили сыръ и перепечу, на другомъ—осыпной хмѣль [164]), деньги, соболи и тафты, на третьемъ—ширинки, а на четвертомъ—*кику* [165]) и другія принадлежности женскаго туалета. Здѣсь же ставили чару съ виномъ или медомъ, въ нее всыпали „хмѣльку“, а около клали гребень. Коровайники держали коровай. Здѣсь же были свѣчники и фонарщики. Всѣ эти лица составляли свиту невѣсты, входили въ составъ свадебныхъ чиновъ. Такія же лица были и у жениха. Когда все было приготовлено, невѣста одѣта, [166]) садились всѣ на мѣста; на женіховомъ мѣстѣ рядомъ съ невѣстою сажали мальчика. Послѣ этого женихъ „ѣхалъ по невѣсту“. Священникъ, который приглашался женихомъ, читалъ молитву, которая надписывалась въ нашихъ памятникахъ такъ: „молитва жениху по невѣсту ѣхати“. Съ поѣзжанами женихъ отправлялся за невѣстою въ домъ ея отца. Впереди поѣзда ѣхалъ священникъ съ крестомъ въ рукахъ [167]). Въ домѣ женихъ садился на свое мѣсто, рядомъ съ невѣстой, тамъ, гдѣ прежде сидѣлъ мальчикъ, котораго теперь дружка жениха сводитъ съ мѣста [168]). Затѣмъ происходили послѣднія приготовленія къ вѣнчанію. Сваха причесывала новобрачнымъ головы. У невѣсты она заплетала волосы въ двѣ косы. По свидѣтельству Котошихина, новобрачную покрывали покрываломъ съ крестомъ. Во время уборки головы женщины иногда пѣли свадебныя пѣсни. Гребень, ко-

---

[163]) „Перепеча“ приготовлялась изъ сдобнаго хлѣбнаго тѣста въ видѣ конуса (*И. Сахарова*: „Сказанія рус. народа“, т. II, кн. 6, стр. 14).

[164]) На свадьбахъ велик. кн. Василія Іоан. и на второй свадьбѣ Михаила Ѳеод. было приготовлено „осыпало“ особымъ образомъ (тамъ же, стр. 12—13).

[165]) „Кика“ и теперь сохраняется въ различныхъ устройствахъ на сельскихъ свадьбахъ. Неизвѣстно, изъ чего дѣлалась кика для царскихъ невѣстъ (тамъ же, стр. 13).

[166]) Послѣ одѣянія на невѣсту возлагали такъ назыв. „дѣвичій вѣнецъ“ (см. *Котошихина*: „О Россіи въ цар. Алек. Мих.“ стр. 7).

[167]) Тамъ же, стр. 121; сравн. „Домострой“, стр. 179; *Дмитріевскаго*: „О Богослуж. въ рус. церк. въ XVI в.“, ч. 1, стр. 382.

[168]) „Домострой“, стр. 179.

торымъ расчесывалась коса у невѣсты, обмакивался въ вино или медъ, что служило у нашихъ предковъ символическимъ обозначеніемъ дожди и вообще плодородія. Обозначеніе этого можно также видѣть въ другомъ обычаѣ, соблюдавшемся при уборкѣ головы у невѣсты, именно обычаѣ раздѣленія косы стрѣлой. Стрѣла служила символомъ молніи, которою, по представленію древне-русскаго человѣка, повелитель огней небесныхъ Перунъ сверлитъ тучи и проливаетъ на землю дожди. По отношенію къ супружеской жизни указанный символъ выражалъ пожеланіе плодородія въ супружеской жизни [169]). Во время уборки головы невѣсты дружка рѣзалъ перепечу и сыръ и разносилъ поѣзжанамъ, причемъ также посылали извѣстныя части свекру и свекрови, послѣ этого сваха осыпала жениха и невѣсту „осыпаломъ“ изъ хмѣля и денегъ. Передъ отправленіемъ къ вѣнцу мать и отецъ невѣсты благословляли какъ жениха, такъ и невѣсту иконами, послѣ чего отецъ бралъ свою дочь за руку и передавалъ жениху [170]). Поѣздъ свадебный направлялся въ церковь. Въ числѣ поѣзжанъ были, какъ видно, разнаго рода глумотворцы, смѣхотворцы, органники и гусельники. Впереди поѣзда ѣхалъ священникъ съ крестомъ въ рукахъ. Такъ было, по описанію Стоглава, въ мірскихъ свадьбахъ.

Мѣсто въ церкви, гдѣ происходило вѣнчаніе, устилалось матеріями, брачущимся клали подножіе. Женихъ и невѣста становились противъ царскихъ дверей, впереди и по бокамъ ихъ стояли поѣзжане. Здѣсь же держали коровай и свѣчи. Обручались, какъ сказали уже раньше, въ древней Руси различными кольцами: для жениха было золотое, для невѣсты — желѣзное; иногда употреблялись безразлично и золотыя. Такъ было въ княжескихъ свадьбахъ. Иногда, какъ мы видѣли, обручались и крестами—золотыми и желѣзными. Что касается брачныхъ вѣнцовъ, то они употреблялись въ древней Руси сначала изъ дерева, а потомъ и изъ металла [171]). Въ древней

---

[169]) Цитир. выше *Степанова*: „Народные праздники на святой Руси“, стр. 87—88.

[170]) *И. Сахарова*: „Сказанія рус. народа“, т. II, кн. 6-я, стр. 28; Домострой, стр. 181; *Котошихина*: „О Россіи въ царств. Алексія Мих.“, стр. 8.

[171]) См. цитир. *Н. Покровскаго*: „Брачные вѣнцы и царскія короны“ (Христ. Чтеніе“, 1882 г., № 7—8, стр. 127—160).

Руси былъ обычай возлагать вѣнецъ на второбрачнаго и третьебрачнаго, но не на голову, а на плечи [172]).

Изъ свадебныхъ обычаевъ въ древней Руси нельзя не указать на одинъ любопытный обычай. Это—обычай держанія женщиной вѣнца надъ головою невѣсты. Въ настоящее время обычай этотъ не существуетъ. Вѣнцы надъ головами брачущихся у насъ, обычно, держатъ шафера изъ мужчинъ. Въ старину же былъ обычай держать вѣнцы также и женщинамъ. Какъ теперь существуютъ мужчины шафера, такъ прежде были *женщины—шафера*. Болѣе древнее указаніе на это мы находимъ въ концѣ XV в. (1495 г.) въ бракосочетаніи великой кн. Елены Іоанновны въ Вильнѣ съ литовскимъ княземъ Александромъ. Въ описаніи вѣнчанія говорится: бискупъ (епископъ) говорилъ велик. князю молитвы, а попъ Ѳома говорилъ велик. княгинѣ молитвы, а княгиня Марья надъ нею вѣнецъ держала"... [173]) Насколько обычай этотъ тогда былъ распространенъ, трудно сказать, за недостаткомъ другихъ историческихъ данныхъ; можно думать, что онъ держался болѣе или менѣе твердо у русскихъ людей того времени. Это можно видѣть отчасти изъ того, что когда епископъ и князь литовскій требовали не держать вѣнца надъ княгиней, то княгиня Марья все-таки вѣнецъ держала [174]). Очевидно, обычай держать вѣнецъ надъ головой невѣсты, и притомъ лицу женскаго пола, былъ въ то время необходимымъ въ высшемъ кругу русскаго общества. Обычай этотъ существовалъ и въ послѣдующее время. Въ XVII в. на него указаніе находимъ въ изображеніи таинства брака на иконѣ, находящейся въ Спасо-Преображенскомъ соборѣ г. Переяславль-Залѣсскаго. Описаніе этой иконы сдѣлано проф. Шевыревымъ. Икона представляетъ іерея, благословляющаго молодую чету, богато одѣтую, на которой одежды древне-русскія. Возлѣ невѣсты стоитъ женщина, немолодая, въ лѣвой рукѣ у нея свѣча, а правою рукою она держитъ вѣнецъ надъ головою невѣсты. Надъ таинствомъ брака надпись: „тайна седьмая святаго бракосочетанія". Въ низу иконы надпись, указывающая, что

---

[172]) См. *Котошихина*: „О Россіи въ царст. Алексія Мих." стр. 123—124; *Дмитріевскаго*: „Богослуженіе въ рус. церк. въ XVI в." ч. I-я, стр. 405.

[173]) *И. Сахарова*: „Сказанія русск. народа", т. II, кн. 6-я, стр. 35—36.

[174]) Тамъ же, стр. 36.

икона поставлена въ 1682 году по обѣщанію подъячимъ Никитою Ведерницынымъ [175]). Икона, имѣющая отношеніе къ таинству брака, воспроизводящая указанный моментъ вѣнчанія, безъ сомнѣнія, служитъ наглядным доказательствомъ существованія въ XVII в. обычая держать женщинѣ надъ невѣстой вѣнецъ. Является вопросъ: откуда же заимствованъ сюжетъ такой иконы?—Изображеніе таинства брака въ лицахъ, подобное сейчасъ указанному, находится на выходномъ листѣ большого греческаго Евхологіона (Εὐχολόγιον τό μέγα) венеціанскаго изданія 1862 г. Здѣсь также можно видѣть женщину, держащую надъ головой невѣсты вѣнецъ, и мужчину, держащаго вѣнецъ надъ головой жениха. Въ самомъ же послѣдованіи вѣнчанія мы находимъ указаніе на одно лицо, которое называется „ὁ σύντεχνος“. Слово это означаетъ воспріемника, кума при крещеніи. Этимъ же словомъ названъ и держащій вѣнецъ при совершеніи таинства брака [176]). Можно думать, что у грековъ, какъ и у насъ, женщина держала вѣнецъ, хотя въ чинѣ вѣнчанія о ней не упоминается. Впрочемъ, у насъ въ первой половинѣ XVII в. указаніе на держаніе женщиной вѣнца при вѣнчаніи можно найти въ нѣкоторыхъ требникахъ. Такъ, въ требникѣ Московскаго изданія 1633 г. читаемъ: „*кумъ* же созади держитъ вѣнецъ (сзади жениха) и кумъ или *кума* созади держитъ вѣнецъ (сзади невѣсты)“ [177]). Несомнѣнно, что обычай держать женщинѣ вѣнецъ сначала жилъ въ обществѣ, а потомъ былъ внесенъ и въ списки богослужебныхъ книгъ.

Изъ свадебныхъ обычаевъ, заслуживающихъ вниманія по своему характеру, древности и внесенныхъ въ богослужебныя книги, обращаетъ на себя вниманіе обычай осыпанія молодыхъ хмѣлемъ, деньгами и житомъ, означая внѣшнее благополучіе и плодородіе новобрачныхъ, обычай этотъ былъ неизбѣжнымъ при всякой свадьбѣ. Осыпаніе, совершавшееся, главнымъ образомъ, на дому, было занесено въ церковь и даже показано въ требникахъ. Такъ, въ нѣкоторыхъ требникахъ XVI в. послѣ снятія вѣнцовъ въ концѣ бракосочетанія говорится, что священникъ велитъ матери вѣнчальной

---

[175]) *С. Шевырева*: „Поѣздка въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь“, Москва, 1850 г., ч. I, стр. 51—52.

[176]) Εὐχολόγιον τὸ μέγα изд. ἐν βενέτιᾳ 1862 г., стр. 250.

[177]) Требникъ Москов. изданія 1633 г., листъ 131 об., 132. (изъ Биб-ки Троице-Сергіевой Лавры, № книги 79-й).

осыпать нововѣнчанныхъ хмѣлемъ и житомъ [178]). Ясно, что въ древнее время обрядъ народный уживался съ церковнымъ. Осыпаніе совершалось въ то время, когда шѣли многолѣтіе и когда удобнѣе всего было присоединить обрядъ, выражающій пожеланіе благополучія. Это было по большей части при бракахъ богатыхъ людей, у которыхъ свадьба отличалась особенною торжественностью и пышностью [179]). Въ древней Руси былъ также обычай, предписывавшій духовнику поучать новобрачныхъ въ концѣ чина вѣнчанія [180]).

Когда оканчивался обрядъ церковнаго вѣнчанія, молодые и весь свадебный поѣздъ отправлялись въ домъ родителей жениха. Начиналось свадебное пированіе. И здѣсь мы видимъ много обычаевъ, соблюдавшихся древне-русскимъ человѣкомъ. Такъ, изъ обращающихъ на себя вниманіе, кромѣ осыпанія при встрѣчѣ молодыхъ въ домѣ и при отправленіи ихъ въ „сѣнникъ“, или „подклѣть“, видимъ обычай „вскрыванія невѣсты“. По Котошихину, ее открывали во время пира на первый день, [181]) въ царскихъ же и княжескихъ свадьбахъ это происходило обычно на второй день [182]). Послѣ третьяго кушанья новобрачные шли опочивать [183]). Передъ этимъ совершалось выдаванье невѣсты жениху [184]). Молодая должна была, какъ мы видѣли раньше, разувать молодого. У сѣнника привязывали жеребцовъ и кобылицъ: смотря другъ на друга, они ржали [185]). Во время опочиванья молодыхъ сѣнникъ находился подъ особой охраной [186]). Наши предки были суевѣрны, боялись глазу злыхъ людей, вѣрили въ чародѣевъ и

---

[178]) „Странникъ“, 1880 г., т. III, стр. 57.

[179]) „Христ. Чтеніе“, 1882 г., ч. II, стр. 159; срав. Древн. Рос. Вивліоѳ., ч. XIII, стр. 10, 12.

[180]) Древн. Рос. Вивл., ч. XIII, стр. 164, 206; сравн. *Котошихина*: „о Россіи въ цар. Алек. Мих.“, стр. 8.

[181]) *Котошихина*: „О Россіи въ цар. Алек. Мих.“, стр. 122.

[182]) Древн. Рос. Вивл., ч. XIII, стр. 26, 171; ср. Домострой, стр. 187.

[183]) Домострой, стр. 183, 196; *Котошихина*: „о Россіи въ царст. Алек. Мих.“, стр. 9, 122.

[184]) Домострой, стр. 196; *И. Сахарова*: „Сказанія рус. народа“, т. II, кн. 6-я, стр. 19.

[185]) Домострой, стр. 185.

[186]) *Котошихина*: „О Россіи въ царст. Алек. Мих.“, стр. 9.

волхвовъ, которыхъ приглашали и на свадьбы [187]). На слѣдующій день послѣ свадьбы молодые, обычно, ходили въ разныя бани [188]). Отъ этого обычая, вѣроятно и сохранилась такого рода пословица: „по рукамъ да и въ баню“ [189]). Было также въ обычаѣ кормить молодыхъ кашею [190]). Сорочки царскія послѣ бани сохранялись по свидѣтельству Котошихина, въ особомъ мѣстѣ. Для избѣжанія невиннаго порицанія невѣсты ея брачную сорочку отдавали на сохраненіе родителямъ [191]) На второй же день свадьбы пиръ былъ въ домѣ молодого. Столъ у молодыхъ назывался княженецкимъ или княжимъ. Передъ обѣдомъ женихъ изъ бояръ ѣздилъ ударить челомъ царю [192]). На царскихъ свадьбахъ совершался на второй день поѣздъ по церквамъ и монастырямъ, а на великокняжескихъ это дѣлалось на первый день [193]). На третій день пированье было у тестя и тещи молодого князя [194]). Этимъ и заканчивалось свадебное всеселье. У царя, по свидѣтельству Котошихина, былъ на четвертый день столъ еще для духовныхъ лицъ [195]).

Судя по разсмотрѣннымъ нами обычаямъ, нельзя не видѣть, что свадьба была самымъ торжественнымъ и важнымъ моментомъ въ жизни древне-русскаго человѣка. Во всѣхъ свадебныхъ обычаяхъ нельзя не видѣть сознанія важности семьи и семейныхъ интересовъ. Послѣдніе въ быту древне-русскаго человѣка цѣнились весьма высоко и часто преобладали надъ личными интересами, что, какъ мы видѣли, служило причиной печальныхъ явленій въ древней Руси—заключенія браковъ не по взаимному соглашенію брачущихся и

---

[187]) *Олеарій*: „Подробное описаніе путешествія Гольштинскаго посольства въ Московію и Персію въ 1636 и 1639 гг.“, стр. 267; Посошковъ: „Завѣщаніе отеческое“, СПБ., 1893 г., стр. 19.

[188]) Домострой, стр. 185.

[189]) См. Сборникъ пословицъ Даля.

[190]) Домострой, стр. 196; Древ. Рос. Вивл., ч. XIII, стр. 171.

[191]) См. *Терещенко*: „Бытъ рус. народа“, т. II, стр. 15; ср. Домострой, стр. 202.

[192]) *Котошихина*: „О Россіи въ царст. Алек. Мих.“, стр. 122—123.

[193]) Тамъ же, стр. 10; сравн. Древн. Рос. Вивл., ч. XIII, стр. 11.

[194]) *Котошихина*: „О Россіи въ царст. Алек. Мих.“, стр. 123. Домострой, стр. 188—189.

[195]) *Котошихина*: „О Россіи въ царст. Алекс. Мих.“, стр. 11.

нерѣдкаго униженія личности женщины. Древнія языческія формы брачныхъ союзовъ у нашихъ предковъ, многіе брачные обычаи показываютъ, что женщина цѣнилась скорѣе какъ работница въ домѣ мужа, какъ рабочая сила, а не какъ нравственная личность. Положеніе женщины въ отдаленную эпоху жизни нашихъ предковъ вполнѣ соотвѣтствовало, конечно, грубости нравовъ того времени, при которой большимъ уваженіемъ пользовалась сила матеріальная, чѣмъ сила нравственная. Женщина, бывшая прежде жертвой мужского произвола, считавшаяся въ большинствѣ случаевъ существомъ нечистымъ, не имѣвшая за собой правъ—ни моральныхъ, ни юридическихъ, лишь съ принятіемъ христіанской вѣры, съ введеніемъ византійскихъ узаконеній, получила у насъ на Руси болѣе высокое и сравнительно независимое положеніе какъ въ личномъ, такъ и въ имущественномъ отношеніяхъ. Отношенія между мужемъ и женою были болѣе правильно опредѣлены законами гражданскими и церковными. Самое брачное торжество не осталось безъ вліянія церкви: въ него, какъ мы видѣли, были внесены обряды изъ церковной практики. Начало и самый процессъ брачнаго торжества не обходились безъ участія церковнаго лица. Не смотря, однако, на это существо и истинное значеніе брачнаго союза въ большинствѣ случаевъ не находило для себя настоящаго пониманія въ древне-русскомъ обществѣ. При заключеніи брака, часто не доставало близкаго, непосредственнаго знакомства брачущихся между собою, взаимнаго между ними согласія и любви, этихъ необходимыхъ условій счастливаго супружества. Мы видѣли, какъ заключались браки въ древней Руси. Смотрины, сговоръ, сваты и свахи, всевозможные свадебные обряды—вотъ то, безъ чего не обходилась почти ни одна свадьба. При сложности свадебныхъ обычаевъ и обрядовъ, въ древней Руси отсутствовало часто главное, именно: близкое непосредственное знакомство невѣсты съ женихомъ, свободное между ними согласіе. Послѣ брака, для русской женщины часто начиналась замкнутая домашняя жизнь съ человѣкомъ, котораго они раньше въ большинствѣ случаевъ не знала, или знала весьма плохо. Понятно, конечно, при такихъ условіяхъ не возможно было ожидать истинной супружеской любви и должнаго супружескаго уваженія. Уваженіе и любовь жены къ своему мужу основывались больше на страхѣ и принужденномъ подчиненіи. Ясное указаніе на это намъ даетъ знаменитый русскій „Домострой“ XVI в. Указанныя черты отношеній между

супругами въ древней Руси, несомнѣнно, являлись результатомъ родового устройства, при которомъ власть старшаго въ семьѣ считалась священною и неприкосновенною. Произволъ родителей въ распоряженіи судьбою своихъ дѣтей, мы видѣли, находилъ для себя обличеніе и протестъ со стороны и духовной, и свѣтской власти. Въ цѣляхъ ограниченія указаннаго произвола Петръ Великій, какъ мы видѣли, издалъ 5 Января 1724 г. особый указъ. Принимая во вниманіе произволъ родителей въ распоряженіи судьбою своихъ дѣтей, равнымъ образомъ, обращая вниманіе на тѣ нежелательныя, ненормальныя отношенія, какія часто создавались между супругами въ древней Руси, нельзя заключать о мягкости, гуманности семейныхъ отношеній у нашихъ предковъ и представлять ихъ бытъ идеаломъ мирной, проникнутой чувствами любви и уваженія жизни. Если въ семейныхъ отношеніяхъ, въ частности въ отношеніи къ положенію женщины, замѣчалось въ древней Руси не мало темныхъ чертъ, то это въ большей степени относится къ положенію женщины въ Сѣверо-Восточной Руси, чѣмъ въ Юго-Западной, гдѣ, какъ мы видѣли, женщина давно, въ особенности-же въ XVI– XVII в.в., пользовалась значительной личной и имущественной независимостью, гдѣ при заключеніи брачнаго союза, воля и согласіе невѣсты считались такимъ же необходимымъ условіемъ, какимъ считался свободный выборъ со стороны жениха.

Николай Остроумовъ.

БИБЛІОТЕКА МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

Отдѣльный оттискъ изъ Тул. Епарх. Вѣдом., 1905 г.

Тула. 22 Іюня 1905 г. Дозволено цензурою.
Цензоръ Протоіерей *Георгій Пановъ.*

Типографія И. Д. Фортунатова насл., въ Тулѣ.

27 MAR 1945

Того-же автора:

1. *Какія читаетъ молитвы нашъ простой народъ?* (Тульск. Губ. Вѣд., 1898 г., №125; перепечатано: Тульск. Епарх. Вѣд., 1899 г., № 14. Пастырск. Собесѣдн., 1899 г., № 28).
2. *Профессоръ Иванъ Николаевичъ Корсунскій.* Тула. 1900 г., цѣна *20 коп.*
3. *Рѣдкій человѣкъ* (изъ воспоминаній объ Ив. Н. Корсунскомъ, профессорѣ Московск. духов. академіи). Москва. 1900 г., цѣна *15 коп.*
4. *Мысли Аристотеля о воспитаніи и о значеніи музыки въ дѣлѣ воспитанія.* Тула. 1903 г., цѣна *20 коп.*
5. *Д. Ѳ. Голубинскій* (воспоминанія). Москва. 1904 года, цѣна *15 коп.*
6. *Чему научаетъ насъ жизнь препод Маріи Египетской?* (Тульскія Губ. Вѣд., 1904 г., № 54).
7. *Великій молитвенникъ и подвижникъ Русской земли.* Изъ сказаній о препод. Серафимѣ Саровскомъ (по неизданной рукописи). (Тульск. Епарх. Вѣд., 1904 г., № 15). Издано брошюрой. Тула. 1904 г., цѣна *10 коп.*
8. *Аналогіи и ихъ значеніе при выясненіи ученія о св. Троицѣ, по суду блаж. Августина* (Правосл. Собесѣд., 1904 г., № 2). Издано брошюрой. Казань. 1904 г., цѣна *15 коп.*
9. *Добрыя души* (разсказы изъ быта народа и духовенства) Москва. 1905 г. Изданіе составляетъ собственность книжнаго магазина Ступина.
10. *Свадебные обычаи въ древней Руси.* Историко-этнографическій очеркъ. Тула. 1905 г., цѣна *60 коп.*

Книжки, обозначенныя цѣной, продаются у автора.
Адресъ: *Тула, Духов. Семинарія.*

2007042234